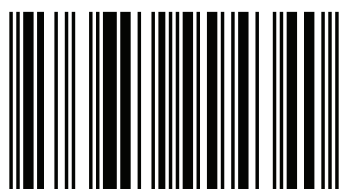


Антигравитация

Когда-то английский педагог и философ Джон Локк заметил, что от правильного воспитания детей зависит благосостояние всего народа. Но что это такое - воспитание подрастающего поколения? Древнегреческий философ Платон под воспитанием понимал усвоение хороших привычек. Его взгляды разделял основоположник эмпиризма, английский философ Фрэнсис Бэкон, утверждавший, что воспитание в сущности есть не что иное, как рано сложившиеся привычки. Родоначальник немецкой классической философии Иммануил Кант принцип искусства воспитания сформулировал так: дети должны воспитываться не для настоящего, а для будущего, возможно лучшего состояния рода человеческого. Очень бы хотелось этому верить, если бы не слова основоположника социалистического реализма Максима Горького о том, что нашим воспитателем является наша действительность. И как тут не вспомнить французского писателя Андре Моруа, прозорливо заметившего, что товарищи воспитывают гораздо лучше, чем родители, ибо им не свойственна жалость. Свою трактовку некоторых граней искусства воспитания подрастающего поколения - не всегда серьезную - дают и персонажи данного сборника ироничных заметок. Насколько они правы - судить читателям.

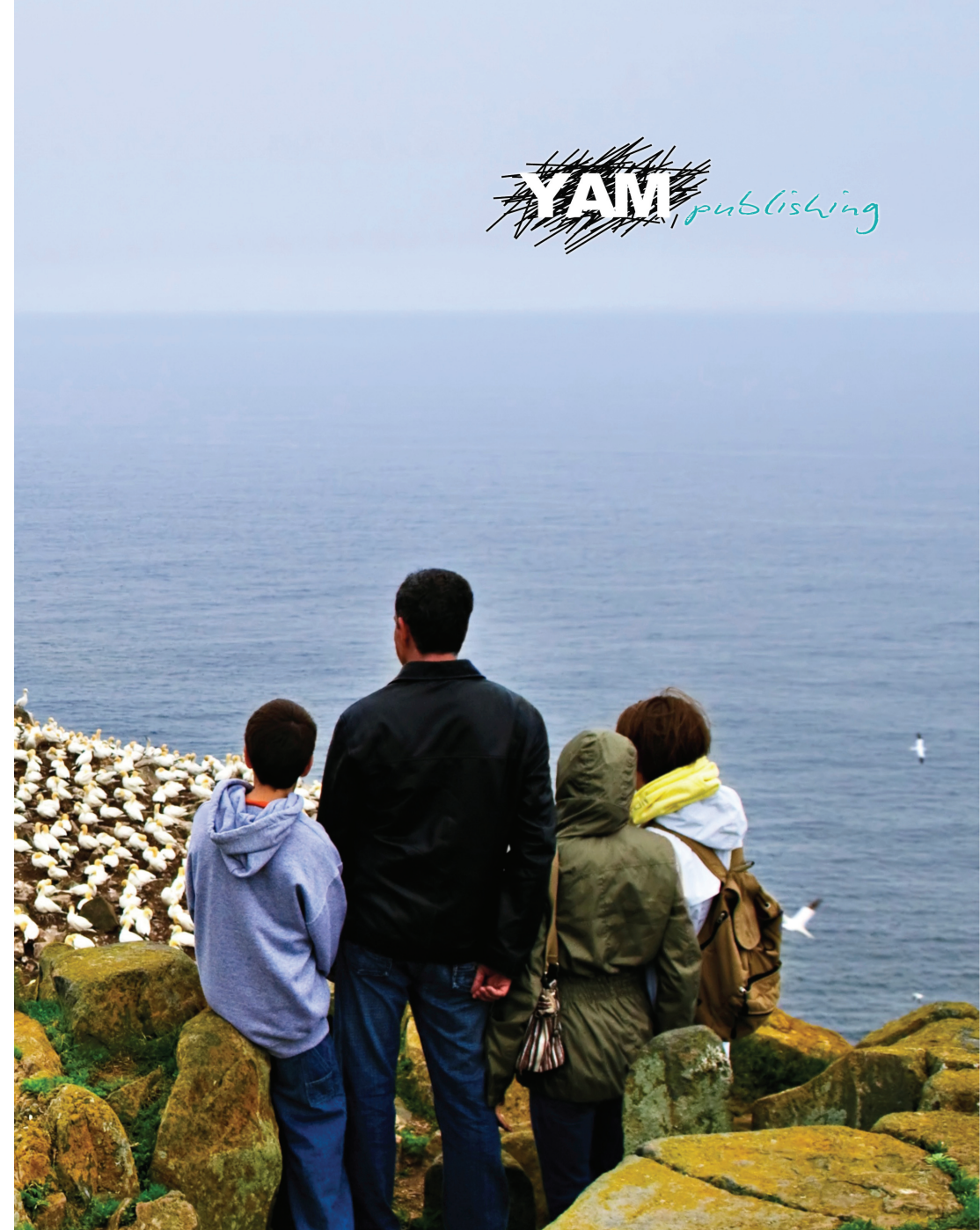


Более сорока пяти лет, отданные журналистике в студенческой ("Советский инженер"), заводской ("Трактор"), городской ("Вечерний Минск"), отраслевой ("Союз предпринимателей"), центральной ("Звезда") белорусской прессе, подарили автору немало встреч с разными людьми, впечатления от которых легли в основу этих ироничных строк с педагогическим уклоном.



978-3-659-99434-0

YAM publishing



Борис Залесский

Антигравитация

Ирония с педагогическим уклоном

Борис Залесский

Антигравитация

Борис Залесский

Антигравитация

Ирония с педагогическим уклоном

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

is a trademark of

International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group

17 Meldrum Street, Beau Bassin 71504, Mauritius

Printed at: see last page

ISBN: 978-3-659-99434-0

Copyright © Борис Залесский

Copyright © 2017 International Book Market Service Ltd., member of
OmniScriptum Publishing Group

All rights reserved. Beau-Bassin 2017

Оглавление

Двигатель прогресса	3
Двойка.....	6
Сочинение	8
Кроссворд.....	11
Антигравитация.....	15
Задача.....	18
Урок труда.....	21
Металлолом.....	23
Фотоаппарат.....	26
Ох, и трудно!.....	31
Все резервы – в дело	33
Драма ближе к ночи	35
Плоды воспитания.....	37
На грани вдохновения.....	39
Скользкая тема.....	42
Экзамен.....	45
Портрет.....	48
Разговор по душам	52
Спектакль	54
Пистоны.....	56
Телефон	60
Контакт	64
Теперь не попадем в финал.....	67
Случай из педагогической практики.....	70
Орфографическая ошибка	72

Двигатель прогресса

Отец Вадьки пришел домой к вечеру. С выступившей краской на лице, воровато оглядываясь на жену, сел за большой кухонный стол и стал ждать развязки. Клавдия стала в дверях, уперев руки в бока. С сожалением смотрела на мужа и молчала. Тот удивленно обернулся. В доме было тихо. Из-под рук Клавдии выглянул Вадька.

– Батька опять бухой? – спросил Вадька, посмотрев на мать. Та брезгливо качнула головой. Отец, постучав пальцами по столу, понял, что гроза прошла мимо и можно расслабиться. Левая рука его скользнула в пиджак.

– Это еще зачем взял с собой? – Клавдия подошла к мужу и освободила ему руки. Тот с сожалением посмотрел на конфискованный “Вермут”.

– Зачем? Зачем? – Вадькин отец насупил брови. – Затем... Все в дом, как муравей, тяну... Отдай двигатель, зачем забрала?

– Что? – Клавдия удивленно оглянулась. – Какой двигатель?

– Который в руках.

Клавдия и Вадька переглянулись.

– Допился, – бросила с чувством Клавдия и вышла.

– Ничего не допил, – отец посмотрел на Вадьку. – Тебе сколько лет?

– Семь.

– Эх, мал еще, – отец вытянул лицо и заглянул в полуоткрытую дверь. Клавдия стала что-то стирать в ванне. Из другого кармана он вытащил еще один “Вермут”. Весело улыбнувшись, подмигнул Вадьке:

– Да, жаль, мал ты еще...

– Бать, какой же это двигатель? Это – стекло, – формулировка отца явно заинтересовала Вадьку. Он удивленно смотрел на бутылку своими большими круглыми глазами.

– Да, пожалуй, верно, – стекло... Только, брат, тут дело не в одном стекле, – отец Вадьки сделал пару глотков. – Там что-нибудь поесть осталось?

... Нет... Ну, ладно... Я не философ. Не-е-ет. Я слесарь. Завинтил и бросил. Но и у меня есть своя философия.

– Ого! – удивился Вадька.

– Стекло – это не двигатель... Одно стекло... Но, когда в стекле вот этот компот, тогда да, – он выразительно щелкнул языком. Так, что Вадьке тоже захотелось разок щелкнуть.

– Тогда это двигатель! Тогда можно двигать!

– Что двигать?

– Да все, – отец Вадьки отпил еще. – Вот, к примеру, нужно мне поднять мотор, чтобы гаечку шлепнуть. А это, значит, центнеры. Чугун. С включениями. Зову ребят. Смотрят в другую сторону. А поставил на мотор вот это – двигатель – побежали, кто быстрее. Первому же больше достанется... Уразумел?

– Мотор-то подняли?

– Да-а, работать еще как-никак умеем. А вот еще случай...

– Во! Сына еще втяни, алкоголик чертов! – в дверях метнулась Клавдия и ловко прилепила свою широкую ладонь к небритой щеке мужа. Отец Вадьки сразу сгорбился и отвел глаза в сторону.

– Зачем при сыне-е? А? – он зло чмыкнул носом. – Я его жизни учу, а ты чему? ... Я спрашиваю! ... Кто здесь хозяин?

– Иди, иди, Вадя, погуляй. Ребятки уже с мячиком по двору бегают. Иди... А я тут объясню... Насчет хозяина-то, – и она старательно вытерла ладони о передник.

Вадька вышел...

– От Вадька! От сукин сын! – Клавдия отодвинула занавеску и приоткрыла форточку. – Ваня, иди глянь...

Отец Вадьки, еще опухший от сна, подошел к окну. Под окном стоял Вадька с соседским Мишкой. Оглянувшись по сторонам, Вадька притянул приятеля за рукав.

– Мишк, ты только свистнешь и все. Больше ничегошеньки.

– Ага, сейчас я тебе побегу. Держи карман...

– Мишк, во, ставлю, – Вадька приоткрыл полы пальто. – Бери двигатель-то.

Мишка вытянул бутылку молока.

– Ну, это еще ладно... Чего там... Свистну... – Мишка даже улыбнулся.

– Ну, Вадька... Уши оторву... – Клавдия накинула на себя платок.

Отец Вадьки, довольный, почесался.

– Чего орешь, дура... Мужик в доме растет. Понимать надо, мужик. А ты – в крик... Хозяином будет, как батя...

– Чего?

– Ну, это я в некотором смысле, – и он опасливо посмотрел на ее крепкие, широкие ладони.

1976 г.

Двойка

Мымриков-младший вошел в комнату немного смущенный, но твердо уверенный в своих силах. Он подошел к Мымрикову-старшему, который в это время уже гулял взглядом по шестнадцатой полосе “Литературной газеты”.

– Слушай, фатер, – прокашлявшись, начал Мымриков-младший. – Негативный момент у меня получился по линии учебного фронта.

И он протянул отцу дневник.

– Понимаешь, тривиальная двойка.

– По чем? – Мымриков-старший измерил спокойным взглядом сначала свое чадо, потом дневник.

– Смешно сказать, по физике, – криво улыбнулся Мымриков-младший. – В преобразованиях Фарадея немного напутал. Глупо все получилось.

– Понимаю, – кивнул головой Мымриков-старший, но лицо его немного вытянулось. – И ты мне об этом так спокойно говоришь?

– А что? Вырывать страницу или прятать дневник? Разве я похож на кретина? Мы же – цивилизованные люди. Разве я не могу спокойно рассказать тебе о своих неприятностях?

– Можешь, – задумчиво ответил Мымриков-старший и, помолчав, также задумчиво добавил. – А я прятал дневник. И листы с двойками выдирал.

– К чему? – сдержанно улыбнулся Мымриков-младший. – К чему эти глупости?

– Отца боялся. Если б он узнал, не поздоровилось бы. Крутой был батя мужик на счет учебы. Бывало, вожжами и меня, и дядьку твоего Мишку так перетянет! Куда потом только наука не лезла. В каждую извилинку знания прыгали.

– Средневековье какое-то! Вожжами! – возмутился Мымриков-младший и сел напротив отца. – Здесь, я смотрю, серьезной педагогикой и не пахло.

– Может, и не пахло, – повторил Мымриков-старший, погруженный в воспоминания.

– Использование грубой физической силы в педагогике, прежде всего, говорит об интеллектуальной некомпетентности педагога, прямолинейности его методов, о его полнейшей инфантильности, – продолжал развивать свою мысль Мымриков-младший. – Серьезный педагог сегодня – это человек широкой эрудиции, прежде всего, правильно воспитанный сам и наделенный талантом любить детей. Таково требование века. Так сказать, объективное условие. К тому же чрезвычайно остро стоит сегодня проблема правильного понимания процесса акселерации. Да мало ли в педагогике проблем. А ведь родитель – главный педагог.

– Это точно, – глухо отозвался Мымриков-старший, рассматривая дневник.

– Так ты, фатер, распишись там внизу, что проинформирован об этом печальном факте, – сказал Мымриков-младший, поднимаясь со стула. – Покажу завтра классной, чтоб не приставала. Она же у нас такая... А я пока диски покручу. Хороший рок достал. Венгерские группы.

– А это как же? – спросил Мымриков-старший, взвешивая дневник в руках.

– Старик, я же тебя проинформировал, – укоризненно заметил Мымриков-младший. – Ну, я пошел...

– А-а, понимаю, – замотал головой Мымриков-старший, тоже поднимаясь. – Как ты там говорил – инфантильность цивилизации и акселерации.

– Да нет же. Ты опять меня неправильно понял. Инфантильность педагога.

– Во, во, – облегченно сказал Мымриков-старший, отстегивая поясной ремень брюк и плотно прикрывая перед своим чадом дверь. – Оно самое – средневековье...

1979 г.

Сочинение

Ирина Васильевна, классная руководительница шестого “Б”, обвела аудиторию суровым взглядом.

– Сегодня я хотела бы познакомить вас с итогами сочинения, которое мы писали на прошлой неделе, на тему “За что я люблю своих родителей”.

По классу прошел оживленный гул.

Ирина Васильевна сделала минутную паузу, пока в классе не установилась тишина.

– Думаю, у нас есть, о чем поговорить на эту тему.

На последней парте в углу ехидно захихикали, что не прошло мимо внимания Ирины Васильевны.

– Ну, что же, начнем с Федоровой, – классная многозначительно посмотрела в угол и раскрыла тетрадь. Федорова медленно встала и, опустив голову, начала краснеть.

– «За что мне любить своих родителей, если днем и ночью они говорят о высокомолекулярных соединениях и крекинге нефти? За что мне любить своих родителей, если они не любят меня и, подозреваю, друг друга тоже. Очень жаль, что дети не вольны в выборе своих родителей».

Последние слова Ирины Васильевны утонули в диком хохоте класса.

– Ай, да Федорова, – крикнул Кошкин, задыхаясь от смеха. – Ай, да молодец! Что видит, то и пишет.

Стало ясно, что Федорова сейчас заплачет. Она часто-часто заморгала и закрыла лицо руками.

Ирина Васильевна вытащила еще одну тетрадь.

– А это сочинение Кошкина.

Кошкин, немного смущенный, молодецвато подмигнул всему классу, встал и пригладил волосы.

– «Наверное, ни у кого нет такого бати, как у меня. Мой старик может все. Получает он сто пятьдесят рублей, но ничего, как сам говорит, не делает.

Работа у него такая: инженер. По вечерам он учит меня жить. Расписываясь возле замечаний учителей в дневнике, говорит, что я – молодец, что, когда вырасту, стану таким, как он, – умным, не упускающим своего. И еще мы часто поем с ним песни, когда выгоняем маму из дому. Соседям наши песни, кажется, нравятся. Они стучат нам в стены и что-то кричат. Наверное, просят повторить. И вообще, пиво не такое уж и гадкое, как кажется на первый взгляд. После него становится тепло и хочется петь...»

Ирина Васильевна закончила читать и выразительно посмотрела на Кошкина.

– Узнаете свою работу?

– Узнаю, – широко улыбаясь, ответил Кошкин. – Все как есть. Как говорил мой батя, Кошкины врать не умеют.

– Молоток, – сказал Федяев и крепко похлопал Кошкина по плечу. – Вишь, как батю любит. Нравится мне, когда обо всем честно...

Ирина Васильевна глубоко вздохнула и тихо сказала:

– Раз узнаете, можете садиться.

Она достала еще одну тетрадь, но вдруг опять посмотрела на класс:

– Вы понимаете, что мы прочли?

– Чего уж там не понимать, сочинения, – спокойно ответил за всех Федяев. – По-моему, ясно.

– А по-моему, это документы, которые обличают родителей, – Ирина Васильевна подняла стопку тетрадей. – Я хочу сказать, что сочинения Федоровой и Кошкина – лишь малая толика того, что здесь написано.

Класс насторожился.

– А что, много двоек? – испуганно спросил Федяев.

– Есть и двойки. Вот сочинение Федяева. В предложении – «Чтобы оторвать папу от телевизора, нужно притащить подъемный кран» – сделано семь ошибок.

– Опять двойка, – сокрушенно проговорил Федяев. – Уже третья подряд. Прямо наваждение какое-то.

Ирина Васильевна медленно перебрала тетради.

– Я хочу, чтобы у нас сегодня состоялся обстоятельный разговор. И не только о двойке Федяева...

Класс опять загудел.

Родительское собрание продолжалось...

1979 г.

Кроссворд

Началась эта история с того, что, придя после работы домой, Иван Петрович Пузырев застал первоклассника Сережу Пузырева за составлением кроссворда.

Обойдя раза два стол, за которым сосредоточенно сопело его чадо, Пузырев-старший отважился, наконец, раскрыть рот и осторожно позвать жену.

– Лида, ты видела, чем занимается наш пузырьек? Никогда не догадаешься – кроссвордом!

– Что же здесь удивительного? Сережа – мальчик очень развитый, – отозвалась из кухни Лидия Михайловна и снова загрохотала посудой.

– Да, но чтобы составить кроссворд, надо затратить столько интеллектуальной энергии и жизненного опыта, сколько и у взрослого человека не хватит, – сказал вполголоса скорее самому себе Пузырев-старший и подсел к сыну. – Ну-ка, ну-ка, покажи, что ты тут натворил.

Пузырев-младший устало откинулся на спинку стула и протянул отцу большой лист бумаги.

– На, попробуй, разгадай.

– Интересно, – сказал Иван Петрович и погладил сына по головке. – Молодец ты у меня.

Тот пожал плечами, встал и подошел к окну.

– Та-а-ак, что у тебя здесь вначале... «Десять рублей с получки», – прочитал Пузырев-старший и поднял глаза. – Семь букв... Ты что, червонец имел в виду?

– Нет, – мотнул головой Пузырев-младший. – Там же написано – с получки.

– Ну и что? – Иван Петрович почесал затылок. – А ты не мог ошибиться?

– Нет, – опять мотнул головой Пузырев-младший. – Если очень трудно отгадать, открой свою записную книжку и загляни под обложку.

– Тише ты, кроссвордист, – испуганно произнес Пузырев-старший и настороженно прислушался к звукам на кухне. – Так бы и говорил сразу.

Взяв карандаш, Иван Петрович аккуратно вписал в клеточки первое разгаданное слово – «зачатка». Переводя дух, посмотрел на сына:

– Наблюдательный ты у меня... Ну, ладно, что там дальше идет... «Объект папиной любви»... Что-о-о? Опять папу вспомнил? ... Это что, весь кроссворд так? – Пузырев-старший снова посмотрел на сына, покачивая головой.

– Нет, – спокойно ответил Пузырев-младший. – Это только по горизонтали.

– Ну, ну, и на этом спасибо, – Иван Петрович опять уткнулся в лист. – Та-а-ак... Ладно... «Объект любви»? ... Ага... Впишем – «мама»... Вот те раз, не подходит...

Пузырев-старший мелко застучал пальцами по столу.

– Что ты тут напридумывал? ... Почему «мама» не подходит?

– Потому что не подходит! Потому что не «мама»!

– Странно.

Здесь Пузырев-старший, пораженный какой-то страшной догадкой, застыл, широко раскрыв рот.

– Как? Т-ты, т-ты ее тоже видел? – тихо спросил он минуты две спустя, проводя дрожащей рукой по вспотевшему лбу.

– Конечно, – равнодушно ответил Пузырев-младший. – Иначе бы не написал.

Иван Петрович угрюмо уткнулся в кроссворд, считая что-то на пальцах.

– Но послушай, – он вдруг закричал, привставая. – Она тоже не подходит.

– Как это не подходит? – Пузырев-младший подошел к письменному столу. – Ха... Вот видишь, все подходит. Шесть букв – «газета»...

От выдоха Ивана Петровича слегка зазвенели оконные стекла.

– Ты что, в могилу меня собрался загнать своим кроссвордом, – сказал он, взявшись рукой за сердце, но уже улыбаясь. – И действительно, как это я сразу не догадался, что «газета»... Да-а, ну и сыночек у меня растет...

– Посмотри дальше, там совсем нетрудно, – попытался оправдаться Пузырев-младший.

– Нет уж, спасибо... Попробуй тут угадай... Вот опять – «мой любимый родитель», – Пузырев-старший улыбнулся самому себе. – Та-ак... Впишем – «па-па»... Не под-хо-дит...

Последнее слово Иван Петрович произнес очень сурово и почему-то по слогам.

– Ты что, надо мною издеваться вздумал? Что это еще за «любимый родитель» из девяти букв? Ну? ... Ты что, не знаешь, что в слове «папа» – всего четыре буквы?

– Значит, не «папа», – обиженно возразил Пузырев-младший. – Раз не подходит.

– А кто же? – удивился Иван Петрович и озабоченно почесал затылок. – В слове «мама», между прочим, тоже четыре буквы.

– Значит, и не мама.

– Нет, это просто какое-то безобразие, – Пузырев-старший стал быстро-быстро ходить по комнате. – Отец с матерью для него никто. Выдумывает постоянно какие-то глупости... Кстати, как там твои дела в школе?

– Пятерки... Можешь посмотреть, – Пузырев-младший достал из портфеля тетрадки.

– Ладно... Поговорим как мужчина с женщиной, – Иван Петрович остановился напротив сына. – Кого ты имел в виду? Только честно...

Пузырев-младший опустил голову и тихо-тихо сказал:

– Телевизор...

– Что-о? ... Вот этот ящик? – Пузырев-старший развернулся и посмотрел на стоящий в углу «Горизонт». – Странно. Я почему-то об этом не подумал.

Здесь в комнату вошла Лидия Михайловна.

– Мальчики, пора ужинать, – сказала она и потрепала Сережу за волосы. – Ну что, разгадал папочка кроссворд сыночка?

– Разгадал, – вздохнув, выдавил из себя Пузырев-старший и пошел на кухню.

1979 г.

Антигравитация

Сразу же после звонка Надежда Васильевна, молодая учительница физики и классный руководитель, вошла в свой шестой «Б». Окинув строгим взглядом класс, она открыла журнал

– Кого у нас сегодня нет на уроке? – спросила она ребят, едва отошедших от коротких радостей только что закончившегося перерыва.

Класс безмолвствовал, ибо не было у шестиклассников учителя более строгого, чем на уроках физики.

– Так, так, кажется, нет Пузырева, – сладким голосом сказала Надежда Васильевна и что-то отметила у себя в журнале.

– А кто скажет, какая у нас сегодня тема занятия? – попыталась выбить искру взаимопонимания из опустивших головы шестиклассников молодая учительница, однако безмолвие было монолитным и сплоченным.

– Хорошо. Если вы забыли тему, которая задавалась вам на дом для самостоятельной работы, я вам ее напомню, – в голосе учительницы почувствовались нотки, не предвещавшие ничего хорошего. – Итак, гравитационное поле Земли. Кто готов отвечать?

В этот момент дверь в класс отворилась, и на пороге появился Сережа Пузырев с небольшим свертком в руках. По рядам парт пробежал вздох облегчения. Внимание учительницы сосредоточилось теперь только на опоздавшем.

– Очень хорошо, что ты пришел, Пузырев. Вот, ты нам и расскажешь сейчас о силах гравитации, – сказала Надежда Васильевна и жестом пригласила Сережу выйти на середину класса.

– Надежда Васильевна, я не только расскажу, но и покажу, – запальчиво, с горящими глазами начал объяснять Пузырев, разворачивая свой сверток. – Я ведь, собственно, из-за этого и опоздал сегодня на урок, что задержала меня вот эта штука.

Он достал и показал всему классу небольшую металлическую пластину с несколькими кнопками.

– Понимаете, очень уж меня заинтересовала вчера эта тема, – продолжал Пузырев. – В самом начале параграфа написано, что антигравитация в обычных земных условиях не существует. Дескать, абсолютно все предметы притягиваются Землей. Вот я и задумался: так ли это? И посмотрите, к какому выводу пришел...

Сережа положил свою металлическую пластину на пол, встал на нее, нажал ногой на кнопки в ней, и она медленно приподняла шестиклассника едва ли не до потолка.

– Понимаете, если хорошо поискать, то, оказывается, можно найти антигравитацию и в наших обычных условиях, – убежденно говорил Пузырев с набранной высоты. – Главное – начать сомневаться в том, к чему мы просто привыкли, и хорошенько подумать.

В классе стало нарастать возбуждение. Новинка Пузырева понравилась всем. Видя, что она начинает терять контроль над шестым «Б», Надежда Васильевна постучала карандашом по столу и ледяным тоном обратилась к возмутителю спокойствия:

– Во-первых, прекрати этот балаган и сейчас же опустишь на пол. Мало, что ты опоздал, так хочешь еще и урок мне сорвать. Во-вторых, отвечай заданную тему, – сказала она и с легкой иронией добавила. – Про так называемую антигравитацию в учебнике нет ни единой строчки. Так что попрошу отсебятину мне не рассказывать.

– Какая же это отсебятинка? – опустившись на пол, спросил удивленно Пузырев. – Просто из учебника следует понимать, что антигравитации нет, а я говорю, что есть.

На лицах шестиклассников появились улыбки, которые грозили перерасти в ураганный хохот.

– Я повторяю, – в голосе Надежды Васильевны звенел металл. – Или ты будешь рассказывать то, что задавалось на дом. Или получиай то, что заслужил своим ответом.

– Я же и говорю, – попытался оправдаться Пузырев. – Как только прочитал в самом начале параграфа, что силы притяжения Земли действуют абсолютно на все предметы, так меня это и заело. Весь вечер мучился вчера, пока не придумал вот это.

И он показал на лежавшую под ногами пластину.

– Словом, ты хочешь сказать, что так и не дочитал вчера заданный параграф до конца, – жестко расставила все по своим местам Надежда Васильевна.

– Выходит, что не дочитал, – угрюмо ответил Сережа, печально опустил голову и замолчал. Глаза его потухли.

– Значит, получиай то, что заслужил, – торжественно объявила учительница физики и вывела в журнале жирную двойку. – Можешь сесть на место... Да, и передай родителям, что я хочу с ними встретиться...

Увидев выставленную отметку, Пузырев расстроился окончательно. Безнадежно махнув рукой, он нажал каблуком на кнопки пластины и медленно вылетел в раскрытое окно...

1984 г.

Задача

Мигреньев-старший, уютно устроившись в кресле, дремал возле бормотавшего что-то свое телевизора. По экрану проносились в разноцветных костюмах фигуристы, слышалась ритмичная музыка, приятно дополнявшая этот тихий воскресный вечер. И от этого дремать было вдвойне хорошо.

Вдруг кто-то тронул Мигреньева-старшего за рукав. Он нехотя открыл глаза и увидел свое чадо – пятиклассника Мигреньева-младшего – с задачкой по математике в руках.

– Папа, у меня ответ в задаче почему-то не сходится, – чуть слышно прошептал сын, вторгаясь в блаженную дремоту отца. – Сколько раз с самого начала брался решать, ничего не выходит.

Мигреньев-старший сладко потянулся в кресле, ласково растрепал сыну волосы на голове и мягко ответил:

– Ладно, чего уж там, давай помогу. Читай условие задачи.

Мигреньев-младший обрадовался, тут же открыл книгу и начал читать:

– В машину загрузили два кубометра цементного раствора. На первой стройке шофер выгрузил сто килограммов, на втором объекте – еще двести пятьдесят килограммов. На третьем и четвертом – раствор не приняли. Спрашивается: сколько кубометров ценного строительного материала шофер привез обратно в растворный узел?

Мигреньев-младший закончил чтение и вопросительно посмотрел на отца. Тот почесал затылок и улыбнулся:

– Какая интересная задача. Просто из моей практики. Я на своем грузовике, знаешь, сколько этого раствора перевозил.

– Поэтому я к тебе и подошел, – живо ответил сын, поправляя очки. – Думаю, может практика твоя подскажет правильный ответ.

– Да-а, это же надо, – захихикал Мигреньев-старший, но через несколько секунд с абсолютно серьезным видом начал объяснять. – Ты уже, наверное,

понял, что вся изюминка этой задачи заключается в том, чтобы правильно перевести объем раствора к показателю его веса. Умеешь это делать?

– Вообще, да, через удельный вес, – ответил Мигреньев-младший и открыл тетрадку, чтобы показать свои расчеты.

– Подожди, ты лучше меня послушай, – остановил его отец. – Тут ведь очень сложная механика. Все зависит от того, кто тебе этот раствор на узле отпускает. Если Гаврилыч, у которого дома недостроенный гараж стоит, то тогда удельный вес раствора будет на деле, безусловно, меньше, чем это написано в накладной.

– Но в задаче про личные гаражи ничего не сказано, – сказал Мигреньев-младший, вновь углубившись в учебник.

– Это, конечно, странно, но ладно, – оптимистически заявил Мигреньев-старший. – Будем считать, что раствор мы получили через автоматический дозатор. Здесь уже все должно быть без подвоха. Если, разумеется, дозатор совершенно новый и его не успели еще переналадить местные «рационализаторы». Значит, на двух объектах мы раствор оставили, а на двух других его не приняли. Неудачно, выходит, попали. Либо перед обедом приехали, что никого на стройке не нашли, либо в день получки. А это, сынок, святое дело. Особенно везет, когда деньги с утра дадут. Можно сказать, получается дополнительный выходной. Тут уж о растворе и думать забудь.

– Да, приходится везти обратно, – подумал вслух Мигреньев-младший.

– А вот здесь меня большое сомнение берет. Что это за вопрос такой в задаче: сколько ценного строительного материала шофер привез обратно? – сказав это, Мигреньев-старший расхохотался во весь голос. – Впервые слышу о таком шофере, который бы готовый раствор обратно повез. Во-первых, кому этот раствор на том узле нужен? Все документы на его вывоз уже оформлены, а на обратный ввоз никто их оформлять не будет. А если и начнут по глупости, то получают каменную глыбу. Раствор же твердеет. Во-вторых, у шофера что, своей дачи нету, так эту задачку надо понимать? Абсурд какой-то!

– Про дачу в условии тоже ничего не сказано, – пожал плечами Мигреньев-младший. – А ты имеешь в виду и нашу дачу?

Мигреньев-старший очень странно и пристально посмотрел на сына и еще медленнее произнес:

– Мы нашу дачу построили давно, еще до издания этого учебника. Так что наша дача здесь не при чем. Ты меня понял?

– Но ведь и тогда ты работал на своем грузовике, – попытался выяснить правду Мигреньев-младший.

– Работал, – осторожно ответил Мигреньев-старший и тут же разозлился. – А вот задачку твою я решать не стану. Не задача, а фантастический рассказ какой-то. Везти раствор обратно? Это же надо додуматься до такого...

1984 г.

Урок труда

– Ребята, а сейчас я вам покажу самого знаменитого человека в нашем механическом цехе, – услышал Федяев, проверяя точность изготовления только что выточенной детали.

Это был голос старшего мастера Мигреньева. А через несколько секунд он и сам появился в проходе между станками. За ним шла огромная ватага школьников. Ребята восхищенно смотрели по сторонам вместе с молоденькой учительницей, которая замыкала это необычное шествие.

– Вот, ребята. Этот человек, о котором я вам говорил, работает здесь, – громко, чтобы услышали все, объявил Мигреньев и подошел к Федяеву вплотную, обнял его за плечи и уже гораздо тише добавил. – Старик, я здесь с пятиклассниками из подшефной школы урок труда провожу. Ты уж извини, что я тебя немного от дел оторву. Понимаешь, нужен мне для убедительности хороший положительный пример молодого, современно мыслящего рабочего, который сразу после школы к нам на завод пришел.

– О чем разговор, Степан Степанович, – расплылся в улыбке Федяев. – Я весь в вашем распоряжении.

– Вот, и хорошо, – произнес Мигреньев и обернулся к школьникам. – Ребята, вот это и есть наш ас, наш «профессионал резца». Леня Федяев. Я уже вам многое о нем рассказал. За несколько лет он достиг больших высот рабочего мастерства.

Школьники смотрели на растерявшегося Федяева, а молоденькая учительница, протиснувшись вперед, спросила:

– Товарищ Федяев, а вы не могли бы показать нам, как вы работаете?

– Конечно, могу, – ответил Федяев и посмотрел на старшего мастера. Тот подмигнул ему и сказал, обращаясь ко всем:

– Скажу вам по секрету, ребята, что Леню у нас в цехе называют местным Левшой. Знаете, такого русского мастера?

– Знаем, – хором ответили школьники.

– Так вот, Леня умеет вытачивать на своем станке такие детали, которые бы сделали честь самому Левше.

– Ну, вы уж и скажете, – зарумянился от похвалы Федяев.

– Я скажу, а ты покажешь, – игриво заметил Мигреньев. – Ну-ка, свою «фирменную» выточи нам.

Федяев потянулся за огромной заготовкой. Едва оторвав от пола, он вставил ее в станок, закрепил, надел предохранительные очки и, бросив быстрый взгляд на школьников, открывших от изумления рты, начал обработку. Через несколько минут на его ладони лежала крохотная, едва различимая невооруженным глазом деталюшка.

– Ювелирная работа, – авторитетно сказал Мигреньев.

– Какая красота! Из глыбы грубого металла – произведение искусства, – подтвердила молоденькая учительница и потянулась за деталькой, чтобы получше ее рассмотреть. Но та вдруг выпала из рук Федяева и смешалась с металлической стружкой, покрывшей все вокруг толстым ковром.

Учительница ахнула от неожиданности, а стоявшие впереди школьники бросились разгребать стружку. Но их остановил Федяев.

– Вы уж не ищите, ребята, бесполезно. Ее там невозможно будет найти, – сказал он. – Я вам лучше еще одну такую же выточу. Мне это мигом...

И он потянулся за новой заготовкой.

Урок труда продолжался...

1984 г.

Металлолом

Шестиклассник Сережа Пузырев вбежал в комнату прямо с улицы радостный и возбужденный

– Мама! – закричал он. – Мы сегодня первое место заняли по сбору металлолома. Наш класс похвалили. И, может быть, наградят грамотой

– Молодец, сынок, – отозвалась из кухни мама. – Раздевайся и мой руки. Я тебе по такому случаю готовлю вкусный ужин.

– Поздравляю, – сказал, отрываясь от свежей газеты, Пузырев-старший, сидевший тут же в мягком кресле.

Он по-мужски пожал сыну руку.

– Весь в отца растешь, – добавил довольный Пузырев-старший. – И это правильно. Надо заботливо, по-хозяйски относиться к металлу. Знаешь ведь, какое огромное значение придается сейчас правильному его использованию в стране. Недаром металл называют хлебом индустрии. Собирая металлолом, вы делаете очень полезное, нужное нам, старшим, дело. Это – ваш пионерский вклад в борьбу за экономию материальных ресурсов.

Внимательно слушая, Пузырев-младший стал медленно раздеваться.

– Знаешь, папа, – сказал он не без гордости, – почти так же нас похвалили и в пункте приема металлолома. Очень уж они все там удивились нашей находке.

– Вот как, – покачал головой Пузырев-старший. – Ну-ка, расскажи подробнее, что у вас там было сегодня...

– Вообще, нашел этот металл не я, а Жорка, – начал, захлебываясь от восторга, Пузырев-младший. – И знаешь где? Прямо возле вашего завода. Шел там как-то вчера, за что-то зацепился ногой и упал. Посмотрел внимательно, а из земли металлический штырь торчит. Ну, и позвал нас с ребятами. Прибежали мы туда с лопатами. Стали копать. И достали из земли десять тонн металла. Всякого-всякого. Даже кран пришлось вызывать, чтобы все погрузить.

– Ого! – искренне удивился Пузырев-старший и оживился. – Интересно, где возле нашего завода может лежать столько ненужного металла сразу?

– А вот посмотри, – Пузырев-младший взял лист бумаги и стал рисовать на нем план. – Это где-то метрах в ста пятидесяти от проходной.

– Где, где, – все еще улыбаясь, стал вникать в суть нарисованного Пузырев-старший. – Это у тебя что – старая котельная? А здесь что – склад?

– Точно, – подтвердил Пузырев-младший.

По мере того, как до Пузырева-старшего доходил смысл изображенного на схеме, лицо его начало менять окраску. Наконец, взгляд его оторвался от бумажки и устремился куда-то в пустое пространство. Дрожащими пальцами Пузырев-старший провел по неожиданно вспотевшему лбу и позвал слабым голосом жену:

– Лида, дай мне, пожалуйста, валидол...

Лидия Михайловна вбежала в комнату растревоженная.

– Что с тобой, дорогой? – спросила она, наклоняясь к Пузыреву-старшему.

– Плохо вот здесь, – ответил тот, указывая на левую часть груди. – Знаешь, что наделали эти шпингалеты?

Он глубоко вздохнул.

– Они сдали в металлолом все конструкции нашего будущего цеха. Мы их еще позапрошлой весной завезли. Чуть выбили по импорту. Уникальное сборное здание. Да денег на финансирование стройки у нас тогда не было. Вот и сложили конструкции до лучших времен. А в первом в квартале мне этот цех сдавать в строй действующих надо. Уже и приказ на этот счет появился. Собирались мы за это дело через неделю-другую взяться. А теперь, значит, поставили под угрозу срыва рост мощностей нашего завода...

Пузырев-старший уже злыми глазами посмотрел на сына.

– Кто вас просил соваться не в свои дела? – спросил он и потянулся к ремню. – Где этот металл сейчас?

– В приемном пункте сказали, что сегодня же отправят на переплавку. Очень им наша находка понравилась, – ответил грустно Пузырев-младший и посмотрел в окно на зажженные уличные фонари. – Да, уже, наверное, и отправили. Мы ведь еще днем тот металл сдавали.

– Лида, я погиб! – прошептал Пузырев-старший и снова схватился за сердце. – С меня эти конструкции спросят, а что я смогу ответить? Что у меня сын, благодаря им, в несколько раз норму всей школы по сдаче металлолома перевыполнил?

Пузырев-старший нервно захихикал, затем встал из кресла и грозно двинулся на сына.

– Ты чего полез туда, куда не просят? Кто вас звал искать этот металл?

– Так ведь Жорка все начал, – с обидой ответил Пузырев-младший. – Сам же ты говорил, что металл – хлеб индустрии. И относиться к нему надо по-хозяйски.

– Да, говорил, хлеб, – раздражение Пузырева-старшего продолжало расти. – Только он тоже разный бывает, хлеб. Мягкий и черствый. Понял?

– Мягкий, черствый, – пробурчал Пузырев-младший. – Да ржавый этот ваш металл был. Его у нас чуть приняли. Сказали, что это, наверное, списанный валялся. Использованный давно. Что бы вы с ним сейчас делали, не представляю.

– Не твоя забота, – почти закричал Пузырев-старший, но мысль о списании ему явно понравилась. Он тут же сел за стол и начал что-то быстро подсчитывать.

С опаской посмотрев на отцовский ремень, Пузырев-младший на цыпочках вышел из комнаты...

1984 г.

Фотоаппарат

Когда Пузыреву-младшему исполнилось двенадцать лет, отец купил ему фотоаппарат. Вечером, когда вся семья собралась за праздничным столом, Пузырев-старший достал свой подарок откуда-то из укромного места и, торжественно вручая его имениннику, сказал:

– Очень хочу, сынок, чтобы этот фотоаппарат не превратился у тебя в руках в очередную игрушку, которыми наш дом забит до отказа. Я, к сожалению, не смог в свое время освоить фотодело. Поэтому тебе придется всему учиться самостоятельно. А чтобы ты чувствовал ответственность за эту дорогостоящую вещь, я через месяц устрою тебе экзамен и проверю, как ты научился обращаться с фотоаппаратом. Вот тогда мы и узнаем, полезный подарок тебе купили или нет.

...Месяц, как это обычно и бывает в жизни, пролетел незаметно. Честно говоря, Пузырев-старший позабыл о сказанном уже на следующий день после того праздничного вечера. Поэтому был в немалой степени удивлен, когда однажды, придя с работы домой, увидел на стенах квартиры развешенные фотографии. Снимков было много. Хватило и на прихожую, и на спальню.

«Откуда это?» – хотел спросить Пузырев-старший, но, увидев выглядывавшего из своей комнаты Пузырева-младшего, все вспомнил и осознал.

– Вот это, да! – только и смог сказать он и, еще не веря своим глазам, опустился в кресло. – Когда же это ты все успел?

Пузырев-младший, стесняясь, но не без достоинства ответил:

– Я не только это успел, папа. Мы с ребятами в школе выпуск фотогазеты уже наладили. «Зоркий объектив» называется. Старшеклассники помогали нам специальный стенд оборудовать прямо на улице. И каждые десять дней мы вывешиваем туда новый номер

– Сколько же это у вас номеров за месяц вышло? – спросил Пузырев-старший, уже приходя в себя.

– Два. Почти все фотографии из этих фотогазет я и принес показать. Специально для тебя по лишней карточке сделал.

– Молодец, – похвалил сына Пузырев-старший и похлопал его по плечу. – Ну-ка, показывай свою выставку.

Они подошли к фотографиям. На первой была запечатлена какая-то страшная картина: на огромной площадке валялось множество обезображенных, ржавых металлических конструкций, арматуры, болванок.

– Что это за марсианский пейзаж? – спросил Пузырев-старший, внимательно рассматривая фотоснимок и усмехаясь. – Сюда, наверное, и не ступала нога человека. Как ты туда добрался?

– Это, папа, мы на экскурсию к тебе на объект ходили. Я тогда только научился фотографировать. Вот и решил сначала тебя снять на пленку. Как родоначальника идеи с фотоаппаратом. Правда, тогда мы тебя на стройке не нашли. Какой-то дяденька с красным лицом объяснил нам про этот, как его... технологический перерыв. Интересно он у вас называется – перекур. Одного не пойму: при чем тут куры? Вы их что, разводите там? Мы ни одной не увидели... Я, как понял, что тебя не смогу сфотографировать, решил по-другому сделать. Как сказала наша учительница, получился фотозтюд – «Здесь работает мой папа». Все в школе отметили, что это – лучший снимок первого номера...

Выпалив все это на одном дыхании, Пузырев-младший посмотрел на отца. Улыбка у того медленно сползла с лица. Еще несколько минут Пузырев-старший смотрел на фотографию, затем перевел взгляд на сына.

– И где у вас висит эта газета? – спросил он глухим голосом.

– Висела. На стенде возле школы, – беззаботно ответил ничего не подозревающий юный фотолобитель. – Пока мы второй номер не повесили. А первый – забрали какие-то дяди. Они к директору школы специально за ним приезжали. Говорили, чтобы то ли на каком-то бюро, то ли на конференции показать.

– Да, интересно, – поморщившись, словно от зубной боли, негромко произнес Пузырев-старший, – где эта ваша газетка всплывет...

– Это еще что, – снова возбужденно заговорил Пузырев-младший. – У нас и второй номер забирают. Только уже другие дяди.

– И что у вас там сфотографировано? – насторожился Пузырев-старший.

– А вот посмотри, – юный фотолюбитель подвел его к целой серии снимков у противоположной стены, пояснив при этом. – Понимаешь, папа, мы тогда после стройки решили с ребятами все-таки разыскать всю вашу компанию. И знаешь, где нашли? Вот здесь!

На одной из фотографий были отчетливо видны слова «Пивной бар».

– Это совсем недалеко от вашего объекта, – продолжал Пузырев-младший.

Дальше шла вереница весьма красноречивых снимков, на которых кое-где за пивными кружками среди многочисленных посетителей мелькало лицо и особенно рука Пузырева-старшего, периодически достававшая украдкой из-за пазухи пол-литровую емкость с какой-то светлой и, вероятно, не очень вкусной жидкостью. Разлив и выпив ее, друзья по столику долго морщились, почему-то пугливо озираясь по сторонам.

– Учительница сказала, что у нас получился фоторепортаж с места события. Его тоже признали лучшим – во втором номере. Видел бы ты, папа, сколько народа стоит сейчас каждый день возле нашей фотогазеты. И всем она очень нравится, – бодро закончил Пузырев-младший свой рассказ.

Внимательно изучив все фотографии, Пузырев-старший обмяк и тяжело опустился в кресло. Через несколько минут задумчивого молчания рука его потянулась к ремню. Но, увидев лицо юного фотографа, который с нетерпением ждал объективной оценки выполнения им уговора месячной давности, Пузырев-старший только щелкнул пальцами, почесал затылок и устало спросил:

– У вас уже и третий номер готов?

– Конечно, – пожал плечами Пузырев-младший. – Правда, все фотографии к нему остались в школе.

– А что, я и на них изображен? – рука Пузырева-старшего снова произвольно потянулась к ремню.

– Нет. На этот раз Славик Тюкин фоторепортаж про своего отца сделал. Как он дачу строит.

Эта информация немного развеселила совсем было впавшего в уныние Пузырева-старшего. Он даже рассмеялся и спросил:

– Интересно, наверное, получилось?

– Еще как, – с жаром ответил юный фотолюбитель. – Славик все машины сфотографировал, которые привозили им стройматериалы, вместе с номерами.

– Молодец, ваш Славик, – заметил еще более веселым голосом Пузырев-старший. – Теперь его папой, вернее, вашим третьим номером «Зоркого объектива», я уверен, тоже чужие дяди заинтересуются.

– Может быть, – серьезно ответил вдруг Пузырев-младший. – Между прочим, две грузовые машины приезжали к ним с вашего объекта с бетоном, который предназначался вашей бригаде.

– Ты в этом уверен? – еще автоматически улыбаясь, спросил Пузырев-старший.

– Абсолютно.

– Да. Тогда не до смеха будет не только папе Славика Тюкина, – пробормотал Пузырев-старший. – Хорошо еще, что этот бетон прошел мимо меня... А бригадиру нашему теперь, пожалуй, не выкрутиться. Две машины бетона на мышей не спишешь... Говорил же ему, не будь жадным... Вот тебе и простой фотоаппарат...

Он посмотрел на юного фотолюбителя, который никак не мог понять, отчего это его отец, разглядывая фотографии, во время разговора то покрывается красными пятнами, то хватается за ремень, то заразительно смеется, то вдруг просто грустно улыбается.

– Послушай, сынок, – как можно мягче произнес Пузырев-старший. – Вы, конечно, и дальше думаете с ребятами выпускать свою фотогазету?

– Да, это так интересно, папа. Ты просто не представляешь, какой переворот твой подарок совершил у нас в школе. Целая очередь на фотоаппарат записалась. Все хотят заснять своих родителей.

– Еще бы, – вздохнул Пузырев-старший. – Стоит одному талантливо начать, тут же найдутся последователи и подражатели... Да-а...

Что-то обдумывая, он медленно прошелся по комнате, затем подошел вплотную к сыну.

– Знаешь, малыш, – сказал он, – я хочу тебе сделать новый подарок. Какой ты только пожелаешь. Но с одним условием: старый подарок ты вернешь мне обратно. Мне что-то тоже ужасно захотелось научиться фотографировать. Ну, не покупать же нам для этого второй фотоаппарат. Согласен?

Глаза Пузырева-младшего заблестели.

– Папа! – голос мальчика задрожал, так как никогда еще юный фотолобитель не был так близок к осуществлению своей новой прекрасной мечты. – Папа, тогда купи мне, пожалуйста, кинокамеру. Я такой фильм сделаю про вашу стройку, ты упадешь...

– Скорее сяду, – глубокомысленно изрек Пузырев-старший, реально взвесив возможные последствия такого подарка.

1985 г.

Ох, и трудно!

Дед Мороз сел и вытер пот со лба.

– Вот она, наша доля. Ох, и трудно же мне.

Снегурочка, не отрываясь от зеркала и поправляя губки, насмешливо переспросила:

– Что ты, старый, маешься? Иль к пенсии решил сворачиваться?

Дед Мороз посмотрел мимо нее:

– Я вот думаю, нечего мне здесь место держать. Стар я, это точно. И вот этим – особливо, – он постучал себя по лбу. – Сейчас на моем месте нужен молодой, энергичный, умный, красивый.

– Вот это точно, – Снегурочка от удовольствия даже зажмурилась. – Дед Мороз в современной тракторке должен быть Принцем... За принцессой дело не станет.

– Правда, молодые-то, в основном, наглые попадают сейчас. Так и норовят... Но, если бы дело знал, хоть сегодня уступил бы...

Снегурочка опять надулась в зеркало:

– Что это сегодня с тобой? Неприятности какие случились вчера? А?

– Может, и случились, тебе-то что? О-ох! – он оперся на посох, отодвинул мешок с подарками в сторону. – Как времена меняются. Вчера простому плюшевому медвежонку были рады. Сегодня, поди ты... Не хотим, говорят, видеть этот исчезающий вид животного у себя в квартире. Видите ли, интерьер портит. Рождает в нас, говорят, резко отрицательные эмоции, что сразу отражается на снижении тонуса. Вот ведь как научились говорить.

– Кто это тебе сказал?

– Санька из седьмой квартиры. Пять лет... К Семеновым вообще идти нельзя. Да и сам не пойду туда.

– Что, Петьки испугался? Он же еще в школу не ходит.

– Да, испугался... Метафизный, говорит, дед ты. По своей природе абсурден. Кто твой отец, кто мать? Конкретно. Ну? Сказки о духовном зачатии

брось. Даже денег, говорит, за свою работу не получаешь. Все бороду пытается мне прижечь: настоящая или нет...

– Да что с них взять – дети еще, – попыталась найти выход Снегурочка.

– А в сказки уже не верят, – мрачно изрек Дед Мороз, поднялся и направился к очередной квартире. – Трудно им придется...

1975 г.

Все резервы – в дело

Кто-то скажет – феномен, а я скажу – веление времени. Что же тут необычного – золотое яичко. Посмотрите вокруг себя – эпоха головокружительного научно-технического прогресса. А мы еще продолжаем удивляться таким, по сегодняшним меркам, примитивам. И детям голову забиваем информацией, уже совершенно не отвечающей современным стандартам.

Меня могут оспорить. Мол, как это так, такие разговоры о классике сказочного производства. Готов поспорить.

Чего мы можем добиться этой сказкой, когда дети наши уже перестали удивляться сверхзвуковым пассажирским лайнерам. А мы пытаемся выдать им за некое чудо элементарную, хотя и немного необычную, комбинацию куриных генов. Не кажется ли вам, что этой сказочкой из области генетических парадоксов только обнажаем в глазах малыша свою инфантильность. Представляем ему такими информационными дилетантами. Не знаю, как вас, а меня это очень смущает.

Сказка – тот жанр, который уже в раннем детстве может использоваться нами, людьми, искренне озабоченными развитием подрастающего поколения, в качестве приема для создания в мозге ребенка научно-обоснованной базы знаний. Но посмотрите, как обстоят дела в этом отношении сегодня. Все пущено на самотек. В детских коллективах бытуют какие-то сомнительные, не подтвержденные экспериментом сказочки. За примером далеко ходить не надо.

Тот же колобок. Безусловно, многое располагает к нему. Повествование ведется легко, без нажима и стилистических погрешностей. Но давайте задумаемся. Колобок – это же уникальный объект. Вот и дай, уважаемый автор, нам хотя бы примитивную схемку, принципиальное устройство этой одноосной стабильной динамической системы. И тогда каждый малыш скажет тебе: «Спасибо!»

Ребенок тянется к знаниям. Сегодня мало его интерес заполнить действием сказки: «Я от бабушки ушел...». Маленького гражданина может заинтересовать социальная подоплека событий. Ведь налицо существование острейшего конфликта во взаимоотношениях личности и коллектива. А ведь в сказке ответа он не найдет. Что мы предлагаем ему сегодня? Элементарный перечень уходов колобка из разнообразных социальных сред, примитивные диалоги.

Хватит примеров. По-моему, все ясно. Сегодняшний день – это эпоха нового подхода к действительности во всем. И мы должны это учитывать даже в таком деле, как воспитание нового человека, в такой проблеме, как современная сказка.

1980 г.

Драма ближе к ночи (Записки дошкольника)

Два раза в месяц одна из стен нашей квартиры тихо вибрирует. За этой стеной живут наши соседи. Люди широкой души и глубокого интеллекта.

Вибрация начинается где-то к ночи, когда папа уже отрывает свой взгляд от телевизора и с тяжелым сердцем идет в ванную мыть ноги. За соседней стеной раздается два-три громких крика и оглушительный звон разбиваемой посуды. Как говорит мама, у Егоровых сегодня спектакль.

Разыгрывается драма из семейной жизни. Я не знаю автора этой вещи, но, думаю, писал ее человек, досконально разобравшийся во всех конфликтах, происходящих в современной семье. Сегодняшняя постановка на моей памяти уже двадцать вторая.

Главная роль, это уже добрая традиция, приходится на долю главы семейства – дяди Андрея. Прямо скажу, нелегкая роль. Но играет ее дядя Андрей, что называется, в охотку. У него приятный бас с большим диапазоном звучания. Его репризы звучат отточено и к месту. Его герой – современный бунтарь. Он бунтует против пошлости и мещанства. Его широкая натура буквально задыхается в этой рутине, безликости, будничности дней. Он твердо убежден, что каждый день – это праздник. Праздник души. Герой дяди Андрея рвется к чему-то светлому и радостному. И еще он страшно презирает деньги. Хотя мне приходится только слушать, я великолепно представляю, как дядя Андрей бросает в лицо всем эту ключевую фразу:

– Деньги? Вы требуете у меня деньги? ... На каком основании? А если у меня нет денег? ... Что тогда?

Уверен, этим вопросом он ставит всех в тупик. И, прежде всего, героиню тети Клары, жену дяди Андрея, которая очень точно и прочувствованно ведет свою роль. Честно говоря, я никогда не подозревал в тете Кларе такой удивительный талант перевоплощения. Судя по грохоту падающих и разбивающихся предметов, она прекрасно двигается и превосходно владеет механизмом эмоционального потрясения и взрыва своей героини. Она антипод.

Именно в ее адрес сыплет герой дяди Андрея свои обвинения. Он осуждает в ней хищническое стремление завладеть чужими деньгами. Она использует для этого самое сильное оружие женщины – горькие слезы. В понимании героя дяди Андрея, жизнь – это гораздо более широкие горизонты, чем какая-то заработная плата. И он со всем жаром души противится этому стремлению к обогащению. Не только противится, но и активно борется. Вся борьба его выплескивается в пронзительный крик души:

– Пропью... Все пропью... До копейки...

И он подтверждает это сильным ударом в нашу общую стену. Меня присыпает штукатуркой, так что я становлюсь невольным участником постановки, ее вторым планом. Здесь не выдерживает мама. Она вытаскивает меня из-под слоя осыпавшейся штукатурки и говорит отцу:

– Александр, ты должен повлиять. Этот хулиган сейчас прошибет стену.

– А что я могу сделать? – папа нехотя высовывается из-под одеяла.

– Как это что? Разве ты не слышишь, что у них там творится? Всю мебель, наверное, переломали.

– Ну, и на здоровье. Это их личное дело – ломать или не ломать.

– Разве ты не понимаешь, что мы невольные соучастники преступления? Мы равнодушны к чужой беде...

Кажется, действие спектакля переносится в нашу квартиру. Если за стеной все приближается к развязке – там уже должны позвонить в милицию – у нас все только начинается. Так сказать, второй акт. Папа нервно выскакивает из постели и убегает на кухню. Мама быстренько укладывает меня и убегает туда же. Такое у них правило: при ребенке не ругаться. Его, то есть меня, можно этим испортить.

Я не знаю, что происходит на кухне. Но даже благодарен автору этой пьесы, что он оставляет меня в неведении относительно финала, позволяя мне додумать, дофантазировать самому. Наполненный веселыми и грустными мыслями я засыпаю.

И вижу удивительные сны.

1978 г.

Плоды воспитания (Записки дошкольника)

В воскресенье после завтрака отец как-то странно посмотрел на меня и задумчиво произнес:

– Лида, а тебе не кажется, что мы совершенно забыли о воспитании своего ребенка, о формировании у него правильного мировоззрения.

– Мне трудно об этом судить. Ты же знаешь, у меня еще море работы, – ответила моя мать откуда-то из-за пишущей машинки.

– Вот-вот, море работы даже в выходной день. Что же говорить о буднях? А ведь ребенку необходимы внимательные родители, чуткие ко всем проявлениям становления подрастающей личности, – отец сладко потянулся на диване и продолжил. – Ты знаешь, кто может вырасти у нас в семье при таком отношении к ребенку? Лида, ты меня слышишь?

– Александр, ты же прекрасно понимаешь, что у меня очень много работы.

– Вот-вот. При таком отношении к ребенку в нашей семье создается благоприятная почва для выращивания самого заурядного обывателя, – отцу очень нравится эта мысль, и он, поудобнее устраиваясь на диване, продолжает. – И знаешь, Лида, чем страшен обыватель?

– Александр, я же тебя просила!

– Вот-вот, не знаешь. Обыватель страшен прежде всего отсутствием духовных интересов, высокой цели в жизни. Вот скажи, Анатолий (это он мне), тебе чего-нибудь хочется сейчас?

– Нет, – чистосердечно признаюсь я и продолжаю наблюдать за мухой, которая никак не может сесть на мягкий подбородок отца. Он лениво отгоняет ее рукой уже минут десять. Это занятие доставляет ему явное удовольствие.

– Вот видишь, Лидия, ребенку три с половиной года, а ему уже ничего не хочется. Печальные плоды бездумного воспитания. А ведь через несколько лет все свои сегодняшние упреки мы будем адресовать школе, совершенно забывая

о своих воспитательных функциях. Ты улавливаешь диалектику моей мысли, Лидия?

Я вижу, как резко появляется из-за пишущей машинки моя мать. Лицо серое. В руке скомканная сигарета. Не глядя на нас, она быстро проходит в кухню. Известное дело – при ребенке не ругаться...

– Вот-вот. И попробуй после этого поднять серьезную педагогическую проблему, – приглушенно ворчит отец и переворачивается на другой бок. – Работы всегда много, а вот ребенка проглядели. Обыватель растет в доме, а мы и не волнуемся, – и он сладко зевает.

Муха, очевидно, испугавшись новых движений отца, отлетает слишком далеко.

«Уже не вернется», – с грустью думаю я и перевожу взгляд на лицо отца. Оно постепенно розовеет от безмятежного сна.

1978 г.

На грани вдохновения (Записки дошкольника)

В дяде Жоре я подозреваю папиного одноклассника. Это – человек с большой черной бородой и длинными волосами. Мама как-то заметила, что ему, наверное, кто-то всадил косую сажень в плечи. Правда это или нет, не знаю. Сами понимаете, как надо относиться к словам женщины. Но факт есть факт. Дядя Жора – мужик-молоток.

Он часто приходит к нам и берет меня на руки. Но еще чаще он разговаривает с папой. Говорит он громко, внятно и, наверное, правду. Чтобы соседи и те поняли, что есть на свете еще честные люди.

Начинает дядя Жора разговор, как правило, с малопонятной мне фразы:

– Санек (это он моему отцу), понимаешь, накатило опять. Вот послушай.

В эту минуту я представляю дядю Жору с руками, прижатыми к груди. И еще его глаза – жалкие, как у побитой собаки, но гордые. Дядя Жора начинает что-то читать. Здесь с его голосом происходят странные метаморфозы (хорошее слово, я его узнал совсем недавно от папиного друга – синоптика). Он то всхлипывает, как тонюсенький весенний ручеек, то гремит, как вышедшая из берегов горная река. Дядя Жора читает о весне и о любви. Ему тридцать пять лет, но чувство любви он называет вечным и постоянно изменяющимся. Последняя жена ушла от него полтора года назад. Но дядя Жора, как я уже сказал, мужик-молоток. Не хандрит.

– Ну, Санек, что ты скажешь оседлавшему Пегаса, – говорит дядя Жора после того, как кончает читать, и внимательно смотрит на моего отца. В полуоткрытую дверь я вижу, как мой отец медленно прохаживается по комнате, о чем-то размышляя, хотя, на мой взгляд, размышлять здесь абсолютно не о чем. Затем как-то сбоку подходит к дяде Жоре и долго бьет своей ладонью по его плечу.

– Знаешь, Жора,.. Ты же здоровый парень... Зачем тебе это надо. Ты же у станка три нормы играючи дашь.

– Опять ты за старое, – говорит дядя Жора и закрывает голову руками. – Неужели ты не ощущаешь, как меня распирают образы, строфы. Во мне клокочет что-то есенинское. Понимаешь? Я же это чувствую каждой клеткой своего организма.

– Не знаю, не знаю, – говорит мой отец. – Я не специалист в этой области. Мне трудно судить о твоих вещах. Поговори со специалистами. Уж они-то скажут.

– Специалисты? ... Они слишком привыкли к стандартам. Что же мне делать, если я не похож ни на кого, если меня невозможно подогнать под общую мерку.

Я вижу, как трудно даются моему отцу такие разговоры.

– И все же, Жора, я уверен, у нас на заводе из тебя вышел бы толк. Я бы поговорил с ребятами.

– Завод, завод... Что мне ваш завод...

Я вижу, как у дяди Жоры вытягивается лицо.

– Не расстраивайся, Жора. Наверное, я все же плохо разбираюсь в стихах, – мой отец ободряюще хлопает дядю Жору по плечу. – О! Толька! Что ты тут делаешь?

Это он заметил меня, подглядывающего за ними.

– А знаешь, это идея. Самое непосредственное восприятие – детское. Прочти-ка свою стихи моему пузырю, – весело говорит мой отец и хватает меня под руки.

– Ты думаешь? – говорит дядя Жора и в его голосе я чувствую слабый огонек надежды. Он берет меня на руки и начинает читать по новой.

Вот этот миг, из-за которого стоило торчать битый час под дверью. Вот когда я могу взять в руки эту огромную черную бороду и что есть силы дернуть. Это приводит меня в такой неопиcуемый восторг, что слабый огонек надежды в глазах дяди Жоры превращается в огнедышащий вулкан.

– Посмотри, он действительно понимает меня, – кричит дядя Жора моему отцу, опускает меня на пол, хватает свои рукописи и куда-то стремительно

убегает. Куда? Папа говорит, что в редакцию. Странное слово. Я почему-то думаю, что это то место, где тоже придут в восторг от бороды дяди Жоры. И тоже захотят дернуть за нее.

1978 г.

Скользкая тема

(Записки дошкольника)

Скажу честно: ее я откровенно ненавижу. И в этом очень здорово расхожусь во мнении с дядей Жорой, холостяком, старым другом моего отца. Когда он смотрит на тетю Симу, у него очень поэтично соловеют глаза, хотя он отнюдь не превращается по этой причине в соловья. В такой момент он обычно наклоняется ко мне и горячим шепотом, чтобы никто больше не слышал, говорит:

– Толька, взгляни, над созданием этой женщины трудились, наверное, поэты всей Земли. Ай, да, красота! С такими бедрами и не замужем. К чему мы идем, Толька!

Я не знаю, к чему мы идем, но дяде Жоре, судя по всему, надо давно уже возвращаться к своей последней жене. Так говорит моя мама, и я с этим в принципе согласен.

Но тетю Симу я все равно ненавижу. И когда она начинает ласково трепать меня за ушко, у меня появляется, как говорит, дядя Жора, желание. Желание сказать ей что-нибудь не очень приятное.

Любимое занятие тети Симы – говорить. Она давняя подруга мамы и поэтому говорит, как правило, с нею. Приходит она чаще всего по воскресеньям и сначала долго крутится перед зеркалом в новом платье, в котором пытается скрыть свои тридцать три года и выдать их за каких-нибудь двадцать. Потом она успокаивается, убедившись в очередной раз в бесплодности своих попыток. И тогда тетя Сима начинает этот разговор.

– И все же, Лидок, я тебя не понимаю. Как ты могла? ... Ты посмотри на себя. Ты же – очаровательна, у тебя высшее образование... И вдруг этот рабочий...

– Так уж получается, Сима. У меня, видимо, свое представление о счастье... Просто свое...

– Ах, Лидочка, это вообще – скользкая тема. Ведь счастья нет. Его выдумали писатели в восемнадцатом веке. Есть хорошая, отдельная, благоустроенная квартира с отдельным санузлом, есть ослепительный легковой автомобиль у подъезда, есть дача-дворец, в которой можно устраивать дипломатические приемы и вообще вести светскую жизнь. Все вместе это, может быть, и дает то, что мы сегодня называем счастьем... Разве не так? ... Ты знаешь, у Славика Кокурина из параллельного потока – уже пост начальника управления. Говорят, он делает головокружительную карьеру, а ведь как он приударял за тобою...

– Что ты, Симочка, все обо мне, да обо мне, – тихим голосом отвечает моя мать. – Обо мне говорить нечего. Я счастлива. Без легкового автомобиля, без дачи-дворца. А квартиру мы скоро получим. По очереди. От завода. Но у меня есть гораздо большее... У меня есть любовь, у меня есть Толька.

Здесь я краснею. И хотя меня никто не видит – я вожусь с игрушками под столом – я закрываю свои горящие щеки ладонями. Потому что тоже очень люблю свою маму.

– Глупая ты, Лидка, – снисходительно говорит тетя Сима. – Ты прошла мимо своего счастья. И заменила его каким-то суррогатом.

– Ах, Сима, Сима, – улыбаясь, отвечает моя мама. – Когда ты выйдешь замуж за хорошего человека, ты сразу поймешь, кем был и остался Славка Кокурин, делающий сейчас головокружительную карьеру.

– Он умеет жить – убежденно говорит тетя Сима. – Умеет брать от жизни самое главное, самое необходимое.

– В том числе и жену?

– Между прочим, он еще холост, – слегка таинственным голосом говорит тетя Сима. – Мы как-то встречались с ним недавно в довольно неофициальной обстановке.

– После дипломатического приема? – снова улыбается моя мать.

– Зря ты иронизируешь, – небрежно отвечает тетя Сима. – Это лучше, чем промасленный запах твоего мужа, этот страшный запах завода.

За такие слова, по моему мнению, можно уже бить. Но тетя Сима – близкая подруга моей матери. Поэтому все оборачивается милой шуткой. Тетя Сима смешно морщит нос, словно нанюхалась чего-то скверного, и говорит:

– Нет, Лидка, я тебя не понимаю. Твоего дурацкого максимализма. Я бы на такое никогда не решилась. Какой-то рационализатор шестого разряда. Тоже мне, муж называется.

– Не шестого, а пока пятого, – поправляет ее моя мать, поднимается с тахты и идет ко мне. Это значит, что меня уже пора кормить, хотя я, по правде говоря, уже по горло сыт одними разговорами.

– Пятого? Тем более, – кисло усмехается тетя Сима, обводит нашу комнату медленным взглядом и идет в прихожую одеваться. Затем она прощается: весело машет мне рукой. Я смотрю на нее и сквозь ненависть у меня появляется к ней какое-то чувство жалости. В сущности, она ведь хороший человек, только вот почему-то страшно не любит моего отца. И что он ей плохого сделал? Не знаю.

1978 г.

Экзамен (Записки дошкольника)

– Лида, по-моему, нашему мальчику пора устроить экзамен на предмет воспитанности, – сказал как-то в выходной день отец, подхватив меня под руки, словно взвешивая. – Он уже достаточно вырос, чтобы уметь вести себя правильно на людях.

– Вот и проведи, пожалуйста, этот экзамен, – ответила моя мать, выглянув из-за пишущей машинки. – У меня совершенно нет времени, а вот ты мог бы сводить ребенка в кино.

– Решено! Сегодня у нас экзамен по этикету. Мы идем в кино! – отец весело подбросил меня вверх. – Смотри, не подкачай, «студент». В зрительном зале не кричать, не плакать, не сморкаться...

Кино в выходной день – это здорово. И уже через полчаса мы шагаем с отцом к кинотеатру. Он тянет меня за руку, чтобы я не отставал и не слишком пялился на бегущих во дворе ребят. Конечно, с ними интересно во что-нибудь поиграть, но и с отцом сегодня неплохо. В его кармане обнадеживающе звенит медь. По крайней мере, меня ждет мороженое, если отец не встретит кого-нибудь из друзей своего детства.

Возле кассы отец лихо забрасывает меня на руки и агрессивно протискивается без очереди. Моя задача – сидеть у него на руках, максимально поджав ноги, и строить мину, какая только может быть у ребенка двух-двух с половиной лет, не тронутого еще волной акселерации. Мне скоро четыре. Согласитесь, возраст. Трудно быть переростком, но я уже научился достоверности в этой своей роли. И уже минут через десять мы вдвоем погружаемся в темноту зрительного зала и с нетерпением смотрим на экран.

– Ба! Я уже смотрел этот фильм! – обрадовавшись, громко говорит отец, увидев титры. Он наклонился ко мне, но, заметив, что меня больше интересует мороженое, обращается к соседке справа:

– Это такой фильм, скажу я вам! Они будут так любить друг друга! А потом она умрет!

Соседка справа – довольно молодая женщина – недоуменно пожимает плечами и продолжает смотреть на экран.

– Вы мне не верите? Я смотрел этот фильм совсем недавно и могу вас заверить, что помню все превосходно... Вот эта, в купальнике, будет с ними на яхте. А потом его убьют. И она выйдет замуж за того, с сигарой... Вот видите, он уже сейчас на нее нагло смотрит.

Здесь мой отец начинает громко хохотать.

– Вот этот кувшин она разобьет у него на голове. Представляете, вдребезги. А сейчас подумайте, сколько было дублей. И каждый раз по голове!

Отец не видит, а я вижу, что справа от молоденькой женщины сидит молодой с бычьей шеей мужчина и, нежно сжимая правую руку соседки, очень внимательно прислушивается к словам отца.

– А вот этот с выбитым передним зубом будет подслушивать под дверью, и ему выбьют еще один зуб ручкой двери. Представляете, сколько было дублей, чтобы снять этот эпизод, а сколько зубов для этого нужно иметь, – от удовольствия отец заходится в гомерическом хохоте и дружески хлопает молоденькую женщину по коленке. – Если бы вы только знали, какой это отличный фильм...

Я тоже вижу, что фильм сегодня отличный, и от удовольствия зажмуриваюсь. Считаю до десяти и открываю глаза. Отца рядом уже нет, как нет и мужчины с бычьей шеей. И только минут через тридцать где-то у выхода из зрительного зала слышится чей-то голос:

– Толик, слыфыф? Пофли домой, Толик! Я здесь.

Я узнаю голос отца, срываюсь с места и бегу по чьим-то ногам к выходу, успокаивая его звонким ответом:

– Папка, я сейчас!

Все верно. Отец стоит у выхода, смешно прижимая пять копеек к переносице. Это, наверное, новая игра со мной, на что отец большой выдумщик. Он берет меня за руку и быстро отводит от кинотеатра.

– Ну, как экзамен по этикету? – спрашиваю я, глядя, как отец смотрится в витрину. Он отнимает пять копеек и осторожно трогает лоб и нос.

– Вроде нормально. Только маме не говори...

1980 г.

Портрет (Записки дошкольника)

Не буду кривить душой: я слабо знаком с тонкостями последних теорий воспитания детей дошкольного возраста. Слышал что-то там о влиянии фактора акселерации. Но, исходя из собственного опыта, могу откровенно сказать, что самые страшные дни для моих родителей в воспитании собственного сына – выходные. Если в будни здесь все ясно и просто: поднявшись ни свет, ни заря, они, то и дело поглядывая на часы, волокут меня, чтобы побыстрее сдать в дошкольное учреждение на руки нашей воспитательнице Елене Ивановне, а перед самым закрытием забирают, чтобы уже через какой-то там час уложить спать, то с наступлением субботы у моих родителей начинаются педагогические мучения.

Утром, поглядывая на мою кровать, – я еще, естественно, в это время делаю вид, что сплю, – они задают себе нелегкий вопрос:

– Что будем делать сегодня с Толькой?

Это говорит слегка озабоченным тоном мой отец. Это означает, что у него сейчас на письменном столе лежит вот такая пачка бумаг, которую просто в обязательном, сверхсрочном порядке надо разобрать за выходные, иначе в понедельник его просто не пустят на работу.

– Надо что-то придумать, – не менее озабоченно отвечает мама. И мне ее тоже жаль: в ванной стоит полная корзина грязного белья, полы в квартире не мыты уже третью неделю, в кухне – гора посуды, которую надо хорошенько перемыть, а в моей одежде не осталось ни одной пришитой пуговицы.

– Значит, так, – бодро произносит отец и очень нежно обращается к маме.
– Лида, очень многое сегодня будет зависеть от тебя, от твоего умения организовать свой рабочий... ой, прости, пожалуйста, выходной день. Со мной все ясно: я горю синим пламенем со своими рацпредложениями. Если не успею все сделать, о премии не может быть и речи.

Я пока еще не выяснил точно, что означает слово «премия». Думаю, что-то страшное. Потому что, когда отец его произносит, мама во всем начинает с ним соглашаться:

– Конечно, конечно, дорогой. С премией нам шутить никак нельзя.

За завтраком отец выглядит очень веселым и жизнерадостным человеком. Он постоянно шутит со мной, делает мне пальцем «козу» и «буки-буки». Но после чая его сразу «сдувает» за письменный стол. Мы же с мамой долго сидим в кухне. Она внимательно рассматривает меня, словно видит впервые после длительного перерыва, гладит по волосам и тихо говорит:

– Вот так и не заметим, как ты вырастешь. Все в делах и хлопотах. Хочешь быть большим?

Здесь я всегда подавляю в себе желание честно ответить – «нет». Но я очень люблю свою маму и знаю, что сейчас она хочет услышать от меня – «да». Поэтому я в согласии утвердительно киваю головой и показываю руками, каким я скоро стану большим.

– Молодец, – хвалит меня мама. – Ну, а сейчас чем будем заниматься?

– Хочу рисовать, – на этот раз честно отвечаю я.

– Значит, будем рисовать.

Мы идем в другую комнату. Мама удобно устраивается в кресле, я – у нее на коленях. В полуоткрытую дверь я вижу отца, который едва заметен из-за горы чертежей и других не менее важных бумаг.

– Кого будем рисовать? – спрашивает мама, доставая цветные карандаши и бумагу.

Так как я еще смотрю на отца, то и предложение мое не отличается оригинальностью.

– Папу? Ну, давай папу, – соглашается мама и начинает карандашом выводить контуры человеческой фигуры.

Надо сказать, что рисует мама достаточно хорошо, а, главное, быстро. При этом она обязательно рассказывает мне, что рисует, чтобы я не перепутал изображение, скажем, головы с каким-нибудь огурцом.

– Это – глазки, – певучим голосом выводит мама, – маленькие и вытаращенные... Это – носик, большой и немного с загибом в сторону... Это – огромная голова, а волосиков на ней мало. И щеки свисают с двух сторон... Это – маленькие толстые ножки...

– А почему они похожи на букву «О»? – спрашиваю я, желая блеснуть своей эрудицией. С алфавитом нас в дошкольном учреждении еще не знакомили как следует, но кое-что я стараюсь прихватить в знаниях факультативно.

– Почему? – переспрашивает мама и вздыхает. – Какие в жизни, такие и на бумаге... Художник, малыш, прежде всего, должен быть честным человеком... Он не должен приукрашивать действительность.

В этот момент из комнаты отца начинается громкое сопение. Я не очень хорошо понимаю причину его появления. Да и мама тут же отвлекает меня новыми штрихами в портрете папы:

– А здесь у нас коротенькие ручки с толстенькими пальчиками, – уже просто выпевает мама.

– Лида! – вдруг раздается громкий голос моего отца. – Я прошу тебя прекратить это безобразие.

– А что случилось, дорогой, – отвечает нежно мама. – А-а, понимаю. Мы, наверное, слишком громко разговариваем и отвлекаем тебя от работы.

– Лида! Не делай из меня идиота, – снова кричит папа, вскакивает пружиной из-за письменного стола и появляется уже в дверях нашей комнаты. – Прошу давать ребенку правдивую, объективную информацию о его отце. Малыш меня и так не часто видит.

– Я стараюсь, – вздыхает мама. – Правда, я не художник-профессионал, но что в моих силах...

Она снова наклонилась ко мне:

– Вот папины уши, – и она пририсовала два огромных полукруга к папиной голове.

– Хватит! – вдруг очень спокойным голосом говорит отец и берет меня на руки. – Пойдем лучше, Толик, со мной. Что-то мне тоже ужасно захотелось порисовать.

И он бросает свирепый взгляд на маму:

– Кого рисуем?

– Маму! – весело кричу я.

– Правильно, – радуется со мной отец.

И мы уходим к его письменному столу.

– Давно бы так, – слышу я негромкие мамины слова и ее шаги уже в ванной. Вскоре оттуда доносится звук работающей стиральной машины. Но мы с папой уже не обращаем на него внимания, поглощенные рисунком.

1983 г.

Разговор по душам

(Записки дошкольника)

Мы идем с отцом по тихой парковой аллее, разбивая своими шагами ровный желтый ковер осенних листьев.

Отец крепко по-мужски держит мою руку и задумчиво смотрит куда-то вдаль. Его суровые скулы особенно заострены. Я снизу смотрю на его профиль и чувствую, что с ним что-то происходит.

– Ты устал, старик, – говорю я как можно мягче и пытаюсь найти у себя на лице хотя бы одну морщинку, чтобы резко обозначить ее и придать лицу сострадательный вид. Но четыре года – это отнюдь не возраст для появления морщин. Поэтому я бросаю это бесполезное занятие и снова смотрю на отца. Он не отвечает мне, а только еще сильнее щурит глаза, и я чувствую, как постепенно потеет его ладонь.

– Глупо это у вас вышло, – опять говорю я и сплевываю. – Все бабы – дуры.

– Нет, Толька, ты не должен так говорить. Она твоя мать и ты должен ее любить, – отец треплет мои вихры и скупой улыбается. – Во всем виноват я... Понимаешь, я... Я не должен был так поступать.

– Но разве ты виноват, что полюбил другую, старик? Разве можно у человека отнять право на любовь? – говорю я, резко растирая ладонь о собственный подбородок.

– Да, такого права у человека отнять нельзя, – задумчиво отвечает мой отец. – Так по какому же праву я отнимаю у твоей матери любовь ко мне? Можешь ты мне ответить?

– Ее любовь заключается в твоей зарплате. Она совершенно не понимает тебя, твоих запросов. Ты же сам мне это не раз говорил.

– Не говори так, – мученически выговаривает отец, обкусывая ноготь на безымянном пальце правой руки. – Все это слишком похоже на правду.

– Будь современен, старик. Ты живешь с нею уже пятый год. Кому нужны эти жертвы? Детям? Ерунда...

– Не знаю... Не знаю... Все это так сложно.

Мы выходим из парка и вскоре оказываемся уже совсем недалеко от нашего дома.

– Иди. Вон, твои друзья уже носятся вовсю, – говорит отец, указывая на ребят в нашем дворе.

– Вижу, – быстро отвечаю я и долго смотрю на отца. Затем ударяю кулаком о его коленку и, усмехнувшись, добавляю. – Не хандри, ну! Я прошу тебя. Будь же ты, наконец, мужчиной.

Он неуверенно пожимает плечами и также неуверенно произносит:

– Постараюсь.

– Вот и отлично, – пытаюсь я подбодрить отца, задорно киваю ему головой и оставляю одного. Ребята меня уже заждались. Я бегу к ним, а в голове неотступно сидит горестная мысль: «Ох, и беда мне с вами, мои дорогие родители. И за что мне такое наказание?»

1978 г.

Спектакль (Записки подростка)

Честно говоря, нам нравится собираться вместе всем классом. Нет, не в школе, а где-нибудь так. Пойти вместе в кино, поехать в лес на прогулку, заглянуть, как это было вчера, к кому-нибудь на день рождения, захватив с собой свою классную. Благо, пора юбилеев наступила уже и для нас: как-никак Натке Масловой стукнуло вчера десять лет.

Нам всегда есть, о чем поговорить, о чем поспорить, во что поиграть. Может быть потому, что у нас в классе учится Жорка, мой лучший друг. Вчера, например, ему пришла в голову отличная идея. Когда мы выпили по стакану минеральной воды, он вдруг взобрался на стул и крикнул:

– Давайте представим спектакль... Я буду играть своего отца, – и он, сделав страшное лицо, нахмутив брови и оттопырив нижнюю губу, грозно сказал, – Я же вам пятый раз повторяю – приходите через неделю. Сейчас я занят. Неужели вам это непонятно? Неужели я разучился разговаривать по-человечески?

Это надо было видеть. Мы так и покатались со смеху. А Зинка Соева, подскочив к зеркалу, сделала вдруг озабоченное лицо, вытянула шею и, весело глядя на Жорку, сказала:

– Котик, как тебе моя новая шубка? Ну, и что, что длинновата. Зато японская, а на базу завезли всего две штуки.

Здесь к Зинке, покачиваясь, подошел Славик Тюкин:

– Послушай, дорогая, – сказал он, старательно икая. – У нас сегодня была получка. И если ты хочешь, чтобы в нашем гнездышке все было тихо, не спрашивай меня о том, куда я дел эти деньги. Я тебя добром прошу.

Это был спектакль! От смеха мы катались по полу и кричали, как сумасшедшие.

Сергея Воронов вдруг подошел к телефону снял трубку и с непроницаемым лицом произнес:

– Алексей Иванович, здравствуйте! Помните Воронова? Ну, как же... Я вам помог пальто в министерстве надеть. Вспомнили? Ну, вот и хорошо. У меня к вам есть одна маленькая просьба...

Здесь снова вскочил Жорка.

– А я вам говорю, не подпишу! Приходите через неделю!

– Котик, – спокойно урезонила его Зинка. – Ты знаешь, за кого вышла замуж Анна Ивановна? За трехкомнатную квартиру с “Волгой”... Пусть теперь попробует сказать, что она несчастна...

– Ч-черт! – с трудом выговаривая буквы, медленно произнес Славик, обводя всех мутным взглядом. – Ничего не помню.

И, похлопав по плечу рядом стоящую Зинку, добавил:

– Мария, я вчера тебя бил? ... Если бил, то скажи – за что?

– Товарищ, товарищ, как вам не стыдно? – голосом нашей классной громко спросил Юрка Земцов. – Посмотрите вокруг. Вас окружают дети! Разве вы этого не замечаете?

– Мария, – продолжал упорствовать Славик. – Я вчера тебя бил? Нет? ... А детей? ... А?

И он вдруг заплакал. Крупными и прозрачными слезами.

Минут двадцать мы молчали, глядя на Славку. Пока не вспомнили о своей классной руководительнице. Она сидела, как-то сжавшись, в самом углу комнаты и широко открытыми глазами смотрела на нас, точно видела впервые.

– Зря спектакль при ней устроили, – шепнул мне на ухо Жорка. – Не взрослым его смотреть.

Кое-как успокоив Славку, мы стали собираться. Родители Натки Масловой должны были вот-вот появиться дома. А встречаться с ними у нас не было никакой охоты...

1979 г.

Пистоны

(Записки подростка)

С Жоркой, моим лучшим другом, мы возвращаемся из школы обычно вдвоем. Во-первых, к этому времени на улице уже становится довольно темно, ведь занимаемся мы во вторую смену, и в этом случае компания нам совсем не мешает. Во-вторых, живем мы с Жоркой в одном доме, только в разных подъездах, что вообще здорово, так как Жорка – большой мастер на всякие выдумки, и во время наших вечерних прогулок постоянно что-то придумывает, из-за чего с нами случаются довольно забавные истории. Как, например, это произошло вчера.

...Сразу после уроков Жорка подошел ко мне и с таинственным лицом прошептал:

– Пойдешь со мной сейчас на охоту?

– Ты что, совсем уже от уроков одурел? – говорю ему я. – Какая может быть охота: ни ружья, ни патронов, да и мама дома ждет.

– Ерунда, – отвечает спокойно Жорка. – У меня есть два пистолета и пачка пистонов.

– Ха-ха-ха, – расхохотался здесь я. – И ты собираешься с этим на кого-то охотиться? Нет, ты действительно повредился сегодня. От математики, что ли? ... Ты же сам отлично знаешь, что такое пистоны – немного шума, запаха серы. Какая тут может быть охота? Нет, оставь эту игру для детского сада. Там это еще, наверное, интересно кому-то.

– Слушай, я говорю серьезно, и совсем не намерен шутить, – сказал Жорка и посмотрел на меня так, как это у него бывает только в очень заслуживающих того случаях. – Сегодня надо кое-кого подстрелить. Ну? Ты идешь со мною?

Вообще-то, я не трус, но в горле у меня в тот момент слегка пересохло. Даже не знаю отчего. Ведь и дураку ясно, какая с пистонами стрельба. Но было в Жорке тогда что-то такое, что заставило меня в согласии кивнуть головой.

– Вот и хорошо. Славик Тюкин нас, поди, уже заждался, – сказал Жорка и стал быстро застегивать пуговицы в пальто.

«И Славик туда же» – почему-то с грустью подумал я, но говорить Жорке не стал.

Через несколько минут мы уже неслись с ним по улице, пока не добежали до маленького скверика с оголившимися черными кустами и десятком лавочек, присыпанных снегом.

– Тихо, – предупредил меня Жорка и негромко свистнул. Откуда-то из глубины скверика послышался ответ и через минуту к нам подошел Славик Тюкин, наш одноклассник.

– Оружие не забыл? – спросил он.

– Все на месте, вот, – ответил Жорка и достал два пистолета. – Этот – для Лешки, а этот – мне.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул головой Славик. – А сейчас – за мной. Позицию я уже приготовил.

Мы подошли к огромным сугробам в конце скверика. Славик уже успел их слегка примять, чтобы удобно было лежать.

Сразу за сугробами проходила неширокая улица, на другой стороне которой был тротуар. По нему тек спокойный людской поток, обычный для этого времени суток.

– Ложись! – приказал нам Славик и лег сам. – Впереди положите портфели, чтобы удобнее было стрелять.

– Есть! – по-военному ответил Жорка и быстро залег. Я последовал его примеру.

– Заряжай! – снова отрывисто скомандовал Славик и, подождав, пока мы заложим в пистолеты ленты с пистонами, спросил. – Видите дверь возле витрины?

На противоположной стороне улицы я, действительно, рассмотрел довольно массивную дверь с крыльцом, над которой светилась розовой иллюминацией какая-то надпись, на которую я, по правде сказать, даже сначала

и не обратил внимания – до того все, что со мною происходило, было необычно и даже странно.

– Они должны оттуда скоро выйти, – сказал Славик.

– Кто? – спросил я и понял, что сделал глупость.

Славик недовольно посмотрел на меня, но ответил без злости:

– Есть тут несколько таких...

И замолчал, закусив губу.

Минут двадцать мы с Жоркой лежали, боясь шелохнуться, не сводя взгляда с той самой двери. В нее несколько раз заходили люди, но назад практически не выходил никто. Наконец, дверь медленно открыли изнутри, и на крыльце появился сначала один человек, потом второй, а за ним третий.

– Приготовились! – срывающимся от волнения голосом приказал Славик.

– Я беру того, что посередине, а вы – остальных. Стрелять по ногам!

Те трое несколько секунд стояли неподвижно. Когда, наконец, тот, что стоял посередине, сделал шаг, Славик отчаянно нажал на курок своего игрушечного пистолета. Честно говоря, сначала я просто не поверил своим глазам. Мужчина, в которого стрелял Славик, вдруг покачнулся и, словно подкошенный, грохнулся с крыльца, забросив ноги выше головы.

– Попал! – радостно прошептал Славик и посмотрел на нас с Жоркой. – Ну, бей остальных!

И мы начали палить из всех стволов. Второй упал тоже довольно быстро, сделав всего несколько шагов. Чувствовалось, что мы изрешетили ему все ноги, так стремительно они у него подкашивались, отказываясь держать бесчувственное тело.

Труднее всего пришлось с третьим. Не обращая внимания на стрельбу, он даже пытался поднять тех двоих. Я с отчаянием думал, что у меня вот-вот должны закончиться патроны..., то есть пистоны, а он все стоял и стоял. В конце концов, не выдержал и он: огонь наших пистолетов был, что называется, шквальным. И третий тоже растянулся рядом с двумя другими.

– Теперь не шевелитесь, чтобы нас не заметили, – сказал Славик, и мы притаились.

Действительно, через некоторое время возле нас пронеслась милицейская машина. Она подъехала прямо к раненым. Несколько милиционеров стали поднимать наши «мишени». И я увидел в розоватом, мерцающем иллюминацией свете того первого, в которого стрелял Славка, – это был его отец. Правда, на этот раз лицо его было здорово опухшим, торчавшие в разные стороны волосы делали его и вовсе каким-то другим, незнакомым, страшным.

– Вот это да! – только и смог выдать из себя я и посмотрел на Жорку.

Тот тоже узнал Тюкина-старшего. Но лицо Жорки было не удивленным, а злым, с остро выпирающими скулами.

Минут через пять мужиков увезли, и мы с Жоркой стали медленно подниматься. Отряхнувшись от снега, мы подошли к Славику. Он лежал, уткнувшись лицом в портфель, его плечи слегка вздрагивали.

– Кончай, Славик, – мрачно сказал Жорка. – Что толку плакать? Главное, что мы их тоже здорово отделали... И за тебя, и за твою сестренку, и за маму.

– Спасибо, ребята, – Славик посмотрел на нас и тоже стал подниматься.

– Честное слово, спасибо, – и он улыбнулся. – Один бы я их никогда не сумел, как с вами.

– Все-таки здорово мы это с тобой придумали, а? – сказал Жорка, похлопав Славика по плечу, и, повернувшись ко мне, добавил. – А ты говорил: пистоны, пистоны, детская забава...

– Так я думал, действительно, на охоту пойдем, – ответил я, немного смущенный.

– Конечно, охотиться на людей нельзя, – задумчиво произнес Жорка. – Но, когда люди превращаются в диких животных, наверное, можно сделать исключение. Хотя бы с пистонами...

Уже возвращаясь домой, я все-таки прочитал надпись, светившуюся розоватой иллюминацией над той массивной дверью – «Закусочная».

1979 г.

Телефон (Записки подростка)

Этот Жорка вечно что-нибудь выдумает. Приходит недавно ко мне и говорит:

– Давай кому-нибудь позвоним по телефону.

– Зачем? – спрашиваю и внимательно смотрю на Жорку. – У тебя есть неотложное дело к кому-нибудь?

– Нет. Просто я выучил уже все уроки. Скучно стало.

– Я тоже выучил все уроки. Но что-то мне не хочется никому звонить. И совсем не скучно. Вот, решил нарисовать свою кошку.

– Это не кошка, а слон. Смешно заниматься такой ерундой, когда не умеешь по-человечески рисовать. И когда в квартире есть телефон. Если бы у меня был телефон, мне бы никогда не было скучно.

– Интересно, что бы ты с ним делал?

– Во-первых, позвонил бы куда-нибудь.

– Куда?

– Ну, в пожарную охрану.

– Чтобы сказать, что у тебя нет пожара, но, может быть, скоро будет?

– Конечно, не обязательно звонить в пожарную охрану. Можно еще куда-нибудь?

– Куда?

– Что ты пристал как курица со своим куда-куда? Во-вторых, телефон можно было бы разобрать и посмотреть, что у него внутри.

– Внутри ничего нет. Так что можно и не разбирать.

– Я и без тебя знаю, что там ничего нет интересного. Но надо же с телефоном что-то делать?

Я спокойно пожал плечами, давая понять Жорке, что рассуждения его по-детски наивны и глупы. Жорка подошел к окну и грустно посмотрел во двор, на совсем недавно выпавший снег.

– С тобой тоже скучно, – сказал он, тяжело вздохнув.

Честно говоря, мне стало жаль Жорку, и я сказал ему:

– Ладно. Давай позвоним Зинке Максимовой. И что-нибудь крикнем в трубку. Вот это будет номер. Ты ведь с ней уже не дружишь? А у меня как раз ее номер телефона есть.

– Откуда? – подозрительно спросил Жорка.

– Ее отец вместе с моим работает. Так что, звоним?

Раскрыв телефонный справочник, я подошел к телефону.

– Постой, – вдруг сказал Жорка и тоже подошел к телефону. – Не надо звонить Зинке. Я не хочу.

– Чудак ты, Жорка. Тебе-то что? Она же все равно не узнает, кто звонил. И ты ведь с ней уже не сидишь за одной партой.

– Все равно, не надо ей звонить, – твердо сказал Жорка, как-то особенно посмотрев на меня.

– Если бы я был на твоем месте, я бы обязательно позвонил... Чего ты боишься?

– Ничего не боюсь, – буркнул Жорка, забирая у меня из рук телефонный справочник. – Представляю, был бы ты на моем месте... Неужели позвонил бы?

– Конечно, – твердо сказал я. – И сказал бы еще, что она дура.

– Так и сказал бы? – удивился Жорка и вдруг хитро улыбнулся.

– Так и сказал бы! Чего тут стесняться, раз уж поссорились.

– Хорошо. Если так, то позвоним, – сказал Жорка, заглянув в телефонный справочник. Затем он снял трубку и набрал номер.

– Только говорить будешь ты, – шепотом произнес Жорка и протянул трубку мне. – Бери. Я как-то не могу.

– Эх, ты! Учись!

После трех-четырех длинных гудков кто-то поднял трубку.

– Алло! – послышался чей-то тонкий, даже писклявый голосок.

Я мотнул головой Жорке – Зинка. И набрав побольше в легкие воздуха, выпалил одним духом, даже не искажая собственный голос:

– Если ты думаешь, что самая красивая в классе, то очень ошибаешься. Ты – самая большая дура, потому что слишком много о себе воображаешь. Ты думаешь, что всем нравишься. И не замечаешь, как презрительно сплевывают за твоей спиной все ребята нашего класса. Поняла?

Мне показалось, что на том конце телефонного провода кто-то всхлипнул и быстро положил трубку.

– Вот так. Теперь уже задаваться не будет, – сказал я и ободряюще похлопал Жорку по плечу.

И здесь я впервые увидел, как может хохотать Жорка. Вообще он любит смеяться, но так хохотать – закатываясь и захлебываясь в смехе, откинувшись всем телом назад – он может только когда происходит что-то действительно из ряда вон выходящее.

– Ты чего? – удивленно спросил я, тоже пытаюсь улыбнуться и понять причину этого дикого хохота.

– Просто так, – внезапно утихнув, ответил Жорка и виновато шмыгнул носом. – Мы звонили совсем не Зинке Максимовой.

– А кому же? – чувствуя недоброе, спросил я, вытаращив глаза.

– Наташке Гореловой, – уже испуганно произнес Жорка. – Ты ведь с ней тоже поругался и уже не сидишь за одной партой.

– Как Наташке? Мы же так не договаривались.

– Но ты же сам сказал, если бы находился на моем месте, то обязательно позвонил бы. А так тебе даже не пришлось становиться на мое место.

Видимо, было в моем взгляде что-то такое, что заставило Жорку вздрогнуть.

– Но вы же с ней тоже поругались, – снова попытался оправдаться Жорка.

Только после этого до меня стало доходить, что я наделал. Конечно, Наташка без труда узнала мой голос.

Минут десять мы молчали. Я смотрел на падающие в наш двор пушистые снежинки, совсем забыв про кота и свой рисунок.

– Кому какое дело, с кем я поругался, а с кем еще нет, – сказал, наконец, я, понимая, что уже никакая сила не заставит Наташку сесть снова со мной за одну парту.

– Но ты же сам говорил, – виновато ответил Жорка, испепеляя взглядом злополучный телефон.

– Говорил... Мало что мы тут говорили...

– Верно, – согласился со мной Жорка. – Только ты не обижайся...

Я все еще смотрел в окно, переваривая произошедшее.

– Что тут обижаться, – сказал я, понимая, что во всем виноват, собственно говоря, сам. – Только дураки мы с тобой.

– Верно, – снова согласился со мной Жорка. – И скука у нас дурацкая...

1979 г.

Контакт (Записки подростка)

Андрей Егорович приходит к нам в гости часто. Веселый и общительный, он нравится моему отцу. Каждый раз они с ним долго разговаривают, смеются, вспоминают былое – как-никак вместе учились в институте. После того, как заряд воспоминаний постепенно иссякает, взгляд дяди Андрея начинает все чаще и чаще бродить по комнате в поиске новых тем. Вот тогда-то он и натывается на меня, зубрящего математику.

Дядя Андрей называет меня своим «старым знакомым». Отец говорит, что он видел меня в пеленках. Ну, что же, я против ничего не имею. И еще в глазах моего отца дядя Андрей слывет «специалистом по контакту с детской душой». Он заводит со мной беседу.

– Ну, зубрилка, – говорит дядя Андрей и лукаво подмигивает, – при отце не куришь еще?

– Да ты что, Андрей? Толик еще в третьем классе. Какие могут быть сигареты, курение? – пытается помешать налаживанию «контактов с молодежью» мой отец.

– погоди, Саня. У нас тут свой разговор.

– А-а, – понимающе кивает головой отец и едва ли не на цыпочках идет в кухню помогать маме готовить ужин.

Мы остаемся вдвоем.

– Ну, так как у тебя с курением?

Я краснею и, не поднимая головы от тетради, тихо отвечаю:

– А я не курю, дядя Андрей. Честное слово.

– Врешь, поди, все. Я же по глазам вижу... «Бычки» по подъездам зашибаете с дружками. А то в портфеле на донышке спрячешь сигарету, а потом в школе в туалете выкуришь.

Меня передергивает от таких страшных слов, но я все-таки нахожу в себе спокойствие ответить:

– Нет, дядя Андрей, так у нас поступают только очень плохие мальчишки.

– Ага, а ты, значит, хороший, – ухмыляется дядя Андрей. – Значит, ябедничаешь на тех плохих мальчишек?

– Я не ябедничаю, – отвечаю спокойно, но во мне уже начинает закипать злость.

– Э-э, опять врешь. Я по глазам вижу, – настаивает на своем дядя Андрей. – Я ведь вашу братию насквозь вижу. У меня у самого такой басурман, как ты, на шее сидит. Лешкой звать.

– Какой же я басурман? Я математику учу, – говорю я и откладываю авторучку в сторону.

– «Математику учу», – слегка передразнивает меня дядя Андрей и добавляет:

– А дневников, небось, три штуки имеешь? Один – для отца, один – для учительницы, один – на всякий пожарный случай.

После этих слов терпение мое лопається. Медленно растерев подбородок ладонью, я встаю и подхожу к дяде Андрею вплотную.

– Слушай, старик, ну, чего ты разговорился? Курево вспомнил. Ты на себя посмотри, что с тобой сигареты сделали. Да в гроб краше кладут.

– В смысле? – не веря своим ушам, переспросил Андрей Егорович.

– Вот тебе и весь смысл. Ищешь недостатки у других, а у самого сколько? Первую жену с двойней на руках оставил, да и со второй жизнь кувырком идет... Я ведь про тебя все знаю. Мы с твоим басурманом в одном классе учимся. Кстати, только честно, тебя совесть не мучает, что твой Лешка на тебя не похож?

– Да я, собственно, – Андрей Егорович как-то отпрянул, часто моргая глазами.

– Вот видишь, мучает... Вот ведь как получается: ищем соломинку в чужом глазу, а в собственном – бревна не замечаем.

– Да я ведь это так, для контакта, – попытался оправдаться дядя Андрей.

– Контакт тоже разный бывает, – строго отвечаю я и, похлопав его по плечу, добавляю. – Вы лучше ступайте на кухню. Там уже все приготовлено

для этого самого контакта... А Лешке передайте, чтоб математику лучше учил. Его скоро опять вызовут двойку исправлять.

– Передам, – тихо говорит дядя Андрей и продолжает, уже не мигая, смотреть на меня.

– Вы ступайте, ступайте. Папка вас уже звал, – я легонько дергаю его за рукав.

– Ах, да, да, – кивает головой дядя Андрей и идет на кухню. В дверях он опять останавливается и долго смотрит на меня. Но мне, честно говоря, уже не до него. Задача не выходит – хоть умри. А решить надо.

Я снова берусь за авторучку и с головой ухожу в расчеты.

1979 г.

Теперь не попадем в финал

После хоккея Санька пришел домой мокрый и возбужденный. На лице его еще блестел пот. А волосы, еле-еле выглядывавшие из-под кое-как сидевшей на голове шапке, покрылись тонким слоем инея.

Санька быстро прошел в свою комнату мимо кухни, где у плиты возилась мать. Мельком взглянув на Саньку, она покачала головой и сердито сказала:

– Явился?

«Заметила... Сейчас начнется», – подумал Санька и стал раскладывать свои хоккейные принадлежности. Ключку он аккуратно протер и поставил у изголовья кровати. Коньки затолкал в шкафчик. Щитки и прочее оставил в рюкзаке. Затем скинул с себя фуфайку и подошел к зеркалу. Возле левого глаза медленно расплывалось кроваво-синее пятно.

«Пожалуй, скоро глаз закроет», – подумал Санька и огляделся. Где бы взять что-нибудь холодное, чтобы приложить к лицу? Ничего не найдя, он просто прижался щекой к зеркалу. «Теперь я влип. Сначала ключку сломает, а потом коньки спрячет», – думал он, прислушиваясь к звукам на кухне.

Мать вошла и остановилась у дверей.

– Ну, показывай свои медали...

Санька опустил голову и отошел от зеркала.

– Доигрался, – мать сложила руки на груди.

– Вроде, как доигрался, – тихо ответил Санька, посапывая носом.

– Я уже не знаю, как тебя воспитывать, мой дорогой сын. Ведь взрослый парень... Четвертый класс, а все ключки, синяки, шишки.

Мать покачала головой.

– Ну, что ж. Раз мои слова до тебя не доходят, может ремень отца дойдет.

Она приоткрыла дверь в кабинет отца и сказала:

– Костя, иди сюда. Можешь полюбоваться на свое побитое чадо.

Отец вышел в полосатой пижаме. Высокий и здоровый. Санька поежился, но решил не плакать. Он посмотрел на себя в зеркало и увидел, что половину глаза уже прикрыла опухоль.

Отец присел возле него на корточки и спросил:

– Что-нибудь прикладывал?

Санька утвердительно мотнул головой.

– Я уже не знаю, как с ним разговаривать, – подала голос мать. – Он совершенно перестал меня слушать.

– Ясно, – сказал отец и пошел обратно в свой кабинет. Вернулся оттуда с ремнем.

– Поговорим, как мужчина с женщиной, – сказал он громко, закрыв за собою дверь, и прислушался. Мать ушла обратно на кухню. Затем подошел к Саньке и снова присел на корточки.

– С кем играли? – спросил он шепотом, разглядывая синяк на лице Саньки.

– С третьей школой, – ответил Санька, тревожно поглядывая на ремень.

– Выиграли?

– Нет, – мотнул головой Санька и не удержался: две слезинки показались у него на глазах. – Теперь не попадем в финал.

– Что же это вы, брат, так подкачали. Мы третьей школе сроду не проигрывали. Как сейчас помню, – отец грустно покачал головой. – Ты хоть забил шайбу?

– Ага. В первом и третьем периодах, – Санька попытался было вытереть слезы, но на месте старых появились новые, еще более крупные.

– Да-а... Забил, не забил, а команда все равно проиграла, – сказал отец трагическим голосом. Здесь уж Санька сдержаться не мог. Он тихонько жалобно заскулил и уткнулся лицом в плечо отца.

– А это откуда взялось? – спросил отец, показывая на синяк.

– Шайбой...

– Неужто под бросок лег? – в голосе отца слышались страх и удивление.

– Лег, – ответил Санька прерывистым голосом. – Все равно ведь в финал не вышли...

Отец внимательно посмотрел на Саньку. Взъерошил ему волосы своею теплой рукой.

– Пожалуй, верно. Ничего особенного, раз в финал не попали.

Потом он помолчал, встал и вышел из комнаты, захватив с собой ремень. И сразу же к Саньке заглянула мать.

– Я тебя уже не раз предупреждала, – сказала она, увидев Саньку, вытирающего слезы. – С отцом больно не запрямишься. Это не я, что не могу руки на тебя поднять.

Санька шмыгнул носом, подошел к зеркалу и осторожно потрогал свое лицо. Только сейчас, в тепле, он по-настоящему почувствовал боль...

1980 г.

Случай из педагогической практики

Хороший у нас двор. Уютный. И мальчики по нему бегают симпатичные. Веселые, общительные. Иду как-то с работы, вижу, в беседке в картишки сбрасываются. Картишки старые, потрепанные. Смотреть страшно. И как-то так замечаю – крапленая колода. Тринадцатилетний Минька из второго подъезда явно здесь всех немножко обыгрывает. Не по себе мне стало. Что же это такое, думаю. Несправедливо так. Куда это взрослые смотрят? Да и с моей стороны непедагогично проходить мимо, не вмешавшись. Подхожу.

– Как же это вы, ребята, такими картишками еще играете? Их на помойку давно пора. А сами бы за шахматы сели, – говорю и вижу: Минька банк мечет, мизинцем сдергивает чуть ли не в открытую. Обнаглел парень.

– В шахматешки столько не выиграешь, – отвечает мне за всех Минька и нахально смотрит в глаза. – А что грязноваты, так других нету.

Остальные, насупившись, тоже качают головой. Мол, точно так. Даже те, кто проигрался вчистую.

Вижу, нехорошая обстановка складывается у ребят в коллективе. Нет интересного, захватывающего, здорового соперничества. И ясно понимаю, надо что-то делать. Немедленно. Сейчас.

– Так обратились бы ко мне. Дядя Егор, так, мол, и так, неувязка у нас. Надо помочь.

Говорю и достаю из кармана новенькую колоду карт. Сегодня только первый день, как на работе играны. Чистенькие, почти без помарок.

– Вот это да! ... Вот вам и дядя Егор!

Вижу, потряс я их маленько. Прямо глаза заблестели у всех. Минька вообще розовым стал.

– Дядь Егор, может сыграем здесь с нами партию, другую. Деньги-то есть? – говорит Минька и так иронично смотрит, прями сил моих нету. Что же делать? Назвался груздем – полезай в кошелек. Почесал я подбородок и говорю:

– Ну-ка, ребятня, дай примоститься. Посмотрим, что вы из себя стоите...
Не беспокойтесь, за мной не заржавеет...

Беру карты. Сдаю. Чувствую, подсмеиваются они надо мной. Мол, неумело сдаю. У Миньки лучше выходило. Однако взял я первых три банка. Вижу, огорошил малость. Повнимательнее стали смотреть на мои руки. Да и Минька все на картах метки выискивает. Чувствую, надо пары спустить. Спокойнее будет игра. Отдал я следующий банк Миньке. Парнишка он шустрый. Игру чувствует. Это у них фамильное. Отец его, Ефим Данилович, у нас в отделе в чемпионах ходит.

Потом опять три банка взял. Тактика, хотя и старая, но верная. Вижу, ребятки уже кармашки поскребывать стали, монетки выискивая. А я от своей тактики не отхожу. Главное в наших педагогических делах – держаться одной цели.

Темнеть стало. Наконец, и Минька понуро опустил голову:

– Все, дядя Егор, больше нечего ставить.

– Нет, так, нет, – говорю и спокойно пересчитываю выигрыш.

Обступили они меня.

– Да, сорвал ты, дядя Егор, сегодня куш неплохой.

Тут, как я понимаю, пронял я их.

– А что, ребята, может, и завтра, эдак, скинемся. В это же время, – говорю и вижу: Минька, паршивец, мои карты на свет рассматривает. Потом протягивает их мне и отвечает за всех:

– Знаешь, дядя Егор, мы уж лучше того, в шахматилки поиграем... Только вот не пойму, как колоду метили. Ничего же не видно, хоть убейте.

Хороший он все-таки мальчик, Минька. Погладил я его по голове и говорю:

– Не буду я тебя убивать, Миша. За тобой же карточного долга нет. Вот, будешь хорошо учиться, кончишь школу без троек, придешь к нам в отдел работать, тогда и узнаешь... А пока играйте, ребята, в шахматы... Там хоть ставки меньше...

1985 г.

Орфографическая ошибка

Знаете, стыдно мне и больно, когда нашу молодежь кругом все ругают. Мол, неграмотная она у нас растет. Книжек не читает, голову интернетом забила, только и смотрит, где бы напакостить.

Рассуждать так – значит, снимать с нас, старших товарищей, всякую ответственность за воспитание этих юнцов. А ведь именно от нас – людей старой закваски, седовласых и умудренных жизненным опытом, – сегодня особенно зависит, какими эти нынешние пацаны вырастут. И мне всегда до глубины души бывает обидно, когда мы, взрослые, видя недостатки молодых, не стараемся помочь им добрым словом и конкретным делом, чтобы, глядя на нас, эти шпингалеты видели: они – не одиноки перед своими проблемами, им обязательно придут на помощь те, кому не безразлична их дальнейшая судьба.

...Вот сегодня иду вечером с работы через двор. На часы поглядываю. Время до футбола по телеку еще есть. Несколько бутылок пива в авоське колышется. Краем глаза замечаю: местная шпана возле автомобилей за трансформаторной будкой ошивается. Понятное дело: где же им еще вертеться, если машинами весь двор заставлен так, что яблоку негде упасть.

Иномарки, как водится, все старые. Но ребятня собралась у новенького серебристого «Мерседеса», которого я раньше здесь не видел.

– Это чей такой навороченный? – подхожу и спрашиваю у дворовой команды – Просто чудо технической мысли!

– Козлокранова из пятого подъезда. Только что из автоцентра пригнал, – отвечает самый бойкий – Минька. – Знаете, сколько эта хреновина стоит? Вы за свою жизнь даже на колеса от нее не заработаете, хотя и горбатитесь на своем заводе с утра до вечера. И мой батя тоже.

– Ну, уж так и не заработаем, – отвечаю, а сам понимаю, что прав пацаненок. Бандюганов развелось столько, что честным людям даже по двору своего дома пройти спокойно нельзя. Конечно, всего этого я мальчикам не сказал, а только бодро кивнул им:

– Вот будете хорошо учиться, тогда и у вас будут такие автомобили.

– А вы, значит, дядя Егор, учились не очень, если пешком с работы идете, – не унижается Минька.

Пришлось мне четко расставить все акценты.

– Я, Михаил, академий не кончал, – отвечаю ему и наблюдаю, как он на боку «Мерседеса» ржавым гвоздем заканчивает выпараживать какое-то слово. Когда он отошел, я смог прочитать: «Сволоч».

– Тем не менее, – продолжаю я, – если берусь за какое дело, то стараюсь сделать его аккуратно и красиво, чтобы не было мучительно больно за собственную тупость. И чтобы сделанное за мной уже никто не переделывал. В отличие от тебя, грамотей.

Взял у него гвоздь и исправил орфографическую ошибку на боку «Мерседеса». А возвращая инструмент возмездия, добавил:

– Стыдно мне за вас, мальцы! Я в вашем возрасте таких ошибок при письме не делал.

Вижу, дошли им мои слова до самого сердца. Стоят, как в воду опущенные.

–Ладно, – говорю, – Еще не все потеряно. В следующий раз, прежде чем за серьезное дело браться, чтобы обязательно в орфографический словарь заглянули. А то ведь позора с вами не оберешься!

Глянул я здесь на часы и заторопился домой. До футбола ведь считанные минуты остались.

2007 г.

**More
Books!** 



yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.de

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.de

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Bahnhofstr. 28
D - 66111 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscrptum.com
www.omniscrptum.com

OMNIScriptum 